

Олег Дивов

НОЧНОЙ СМОТРЯЩИЙ

Олег Игоревич Дивов
Ночной смотрящий
Серия «Новый Дивов»

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118796

Ночной смотрящий: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-12667-8

Аннотация

Это жесткий, кровавый, горький и очень лиричный текст. Задуманный как «правдивая история о вампирах», роман в итоге стал каким угодно, только не «вампирским». Нет, вампиры там есть. Они живут, страдают, любят, ненавидят, радуются, убивают, гибнут... Но гораздо интереснее то, что творится вокруг них. То, что происходит с людьми. И с не совсем людьми. Вместо меча – топор. Вместо магии – крепкое слово. Больно и страшно будет всем. А чтобы история получилась убедительнее, автор столкнул лбами «деревенскую» и «городскую» прозу, смешал жанры, нагнал жути и тумана. И когда под конец все загадки оказываются разгаданы, это уже не очень важно, потому что в первую очередь «Ночной смотрящий» – роман о выборе пути.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	88
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Олег Дивов

Ночной смотрящий

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Поймать зверя

ГЛАВА 1

Рейсовый автобус до Зашишевьа отменили еще зимой. И летом маршрут не восстановили.

– А незачем, – объяснил Лузгину милиционер на вокзальной площади, немолодой и заметно поддатый сержант. – Вы то чего там забыли? Кстати... Можно документики ваши?

Лузгин секунду помедлил и вытащил паспорт.

– И на ружье попрошу.

– Вот, пожалуйста.

Сержант раскрыл паспорт и глубокомысленно изрек:

– Ага!

– Да-да, я тут родился. У меня в Зашишевье дом. Бабушкин еще. Приезжаю иногда отдохнуть и на утку сходить.

– На утку сходить... – эхом повторил сержант.

– Поохотиться, – на всякий случай уточнил Лузгин.

– Рановато вы. До сезона еще месяца полтора, если не два.

– А я и не тороплюсь.

Сержант оглядел Лузгина с ног до головы, будто оценивая, из торопливых тот или нет.

– Говорят, хреновая в тех местах охота стала, – бросил он, снова утыкаясь в документы.

– Это кто говорит? – хмыкнул Лузгин.

– Да все говорят. Утка теперь больше на Голубых Озерах. А под Зашишевьем ни утки, ни зверя нет. Утиные гнезда па-водком затопило по весне. А зверя волки, наверное, заели. Волки там шалят, знаете?

– Ну, это зимой...

– И летом тоже.

– Летом? – изумился Лузгин. – Волки?

– Так глухомань же, чего бы и не пошалить. Вот, туда даже автобуса нет. Потому что незачем. Сколько там дворов-то жилых?

– Ну-у... В том году я не был, не получилось. А в позатом десятка три.

– Загибается ваше Зашишевьё, – сказал милиционер, возвращая Лузгину документы. – И если б только оно. Всё просрали москвичи-демократы. Пидоры.

Лузгин несколько раз моргнул.

– Да, тут еще собаки бешеные в пригороде бегают, – продолжал сержант. – В пригороде и в старой промзоне, там вообще целые стаи. Мы всех предупреждаем, вы осторожнее.

Второе лето подряд такое безобразия. Их лисы бешеные кусают, собаки людей кусают, люди бесятся и тоже кусаются...

Лузгин надолго зажмурился.

– Как добираться-то в Зашишевые думаете? Не повезет ведь никто. И попутки в ту сторону не дождешься. Разве какой зашишевский в город выбрался – доски вроде они возят – так его еще найти. А полсотни верст пёхом... Может, ну на фиг? Честное слово, ехали б вы, скажем, на Голубые Озера.

– Я на родину и пёхом могу, – хмуро пообещал Лузгин.

– К ночи-то не успеете, – сказал сержант. С непонятным каким-то значением сказал. – У вас хоть патроны нормальные есть? Что на утку – пятерка, четверка от силы...

– Три ноля вам хватит? – Лузгин начал злиться.

– Мне-то хватит, – ухмыльнулся сержант. – А там – кто его знает... Ладно, счастливого пути.

Привязчивый милиционер козырнул и ушел по своим делам. Лузгин, чертыхаясь под нос, двинулся к заметной издали группе привокзальных извозчиков.

Те его разве что на хер не послали.

– Триста, – объявил Лузгин внушительную по здешним меркам сумму.

– Долларов? Или этих... Еврей? – рассмеялись ему в лицо.

– В чем дело-то, мужики? – попытался втереться в доверие Лузгин.

– Да ни в чем. Просто не ездим мы туда. И никто не поедет.

– Почему?! Вы еще скажите, там волки!

– Какие, в жопу, волки...

– А что тогда?!

– Слушай, друг, отстань, а? Сказано тебе – на Зашишевьё не ездим. Дорога херовая.

Лузгин оглядел потрепанные машины извозчиков и скривился.

– Думаете, я не знаю, по каким вы дорогам на «Жигулях» рассекаете? Да там не всякий грузовик пройдет!

– А на Зашишевьё – херовая.

Лузгин демонстративно сплюнул и зашагал прочь.

– Эй, москвич! – крикнули ему в спину. – Вон, гляди, дедушка подвалил. Ты с ним попробуй. Дедушка у нас отмор тот еще. Он тебя не только в Зашишевьё, он хоть прямо в само Филино отвезет!

И извозчики хором заржали, будто сказано было что-то очень смешное.

Дедушка оказался и вправду дедушкой. При ржавом насквозь «Запорожце».

– В Зашишевьё не повезу, ты понял, – твердо заявил он. – А вот до зашишевской повортки...

– Хоть туда! – взмолился Лузгин, втайне надеясь по пути уговорить деда проехать дальше. От поворота с асфальта до деревни оставалось еще верных двадцать километров по грейдеру через лес.

– Двести рублей.

– Легко, – бросил Лузгин, ныряя в машину.

* * *

Уже за городом дед спросил:

– По делам, или как?

– В отпуск.

– А-а... – протянул дед, и отгородился от пассажира такой стеной, что Лузгин ее почти физически почувствовал.

– Я сам вообще-то местный, – сказал Лузгин. – Из города. Просто родители в Москву перебрались, когда я школу заканчивал. А в Зашишевые бабушка моя жила, дом от нее остался. Почти каждое лето приезжаю.

– А-а... – повторил дед, но стал вроде бы поближе.

– Вот, поживу спокойно месячишко-другой, а там сезон откроется, уток постреляю...

– Охотник, значит? – хмыкнул дед. – А я думал, зачем ружье, ты понял. Думал, по делу. Поживешь ты в Зашишевые, как же... Спокойно.

– По делу?... – переспросил Лузгин.

– В том году-то не приезжал ты, – сказал дед.

– Да, не приезжал. С работой закрутился. А вы...

– Возил я туда в том году. Тоже вроде тебя – москвичей.

Один я возил, другие зассали, ты понял. Двоих возил с ружьями. А тебя не было.

– Да, меня не было. Правда, я на машине обычно. А что

эти двое?..

– Говорю – москвичи, – объяснил дед и умолк.

Лузгин вздохнул. Он слишком хорошо знал местных, чтобы надеяться теперь хоть на обрывочную информацию. Здесь умели великолепно сплетничать, но если по какой-то причине образовывался заговор молчания... Сицилия с ее знаменитой «омертой» могла идти далеко и надолго. Одна радость – в Зашишевы ему, как своему в доску, конечно же все объяснят.

Вот только добраться бы туда.

Дед гнал, «Запорожец» неприятно плавал по дороге. Под колеса летел щербатый кривой асфальт. Лузгин увидел знакомый столб и приготовился не пугаться. Неподалеку затаилась подленькая незаметная промоина, на которой внезапно теряли управление и резко дергали вправо передним мостом все без исключения автомобили, невзирая на марку и тип привода.

Машина опасно вильнула. Лузгин испугался.

– Вот бяцство, ты понял, – произнес дед лениво.

– Хреновая дорога, – поддержал тему Лузгин.

– Дорога нормальная. Гонять не надо.

– Не бывает на нормальной дороге поворотов с обратным профилем, – фыркнул Лузгин. – Таких, чтобы машина на отрыв шла. А эта вмятина? Главное, ее не видно совсем, а тачка обязательно вильнет. Сама. И любая. Я тут на разных ездил. Пару раз с перепугу чуть в канаву не улетел.

– А сейчас чего пешком?

– Машину жене оставил.

– Потом жена приедет?

– Не приедет, – отрезал Лузгин.

– Ты попусту не огрызайся, парень, – сказал дед строго. –

Человека не сразу видно, ты понял. А я тебе добра желаю.

Ты вроде нормальный.

– Вроде, – согласился Лузгин.

– В городе люди пропадают, ты понял.

– Они везде пропадают, – заметил Лузгин осторожно. –

По России до ста тысяч в год пропавших без вести.

– Ско-олько?! – недоверчиво протянул дед.

– Официально шестьдесят-семьдесят тысяч. Ну, сами догадываетесь, как занижены официальные цифры...

– Ты-то откуда знаешь?

– Слышал где-то.

– Это у вас в Москве говорят?

– Говорят.

– Да-а, однако... Ну, у нас-то немного пропадает, конечно.

И так, шелупонь разная – бомжи, пьянь, тюремщики. Но мы

же их знаем всех – а они пропадают, ты понял. А бывает,

и приличные люди. У меня сосед через два дома – ушел по

весне, и с концами. Потом рыбаки тоже. Прошлым летом.

Уехали впятером как раз в эту сторону. Грузовик-то нашли,

ты понял. Москвичей тех, что я отвез, вообще с милицией

искали. Неделю искали, ты понял. Меня на допрос таскали,

а я что? Я – до повёртки, дальше ни-ни. Тогда уже пастуха с подпаском заели где-то там, дальше, за Горелым Бором.

– Не похоже на волков... – пробормотал Лузгин.

– Какие волки, мил человек? Волки! Двоих мужиков заели, коров не тронули – ничего себе волки, ты понял! А в городе? В городе, что, тоже волки шуруют? Менты все прошлое лето собак бродячих отстреливали. Как бы они вроде людей грызли. Ну, отстреляли. А этим летом та же херня. Бешеные собаки, ты понял. Ага, так мы и поверили. Не знаю, что там у вас в Москве на этот счет говорят...

– В Москве я ничего подобного не слышал.

– И про новое бешенство?

– Не-ет...

– Люди кусаться начинают, – сообщил дед, заметно понизив голос – насколько позволили дребезг и пуканье «Запорожца».

– Ах, да, – вспомнил Лузгин. – Мне на вокзале мент говорил.

– Тебе мент сказал, а я своими глазами видел.

– Чего?! – подыграл Лузгин, в свою очередь понижая голос.

– Не чего, а кого. Бешеных, – важно заявил дед.

– И много?

– Не веришь, да? Много не много, а парочку видел. Рожи белые, пасть в кровище, глаза выпучены... А я на рыбалку двинул затемно, и по дороге их чуть не сбил, ты понял. На

выезде из города, вот где промзона начинается – ну, знаешь. Хорошо, ночь лунная была, у меня фары-то не особо того. Гляжу – идут двое мне навстречу, шатаются, как пьяные, не видят ни хрена. Страшные, оборванные все, у девки сиськи наружу... – тут дед надолго замолчал.

– А может и правильно, что не веришь, ты понял, – сказал он наконец. – Сам не верю. Я тогда дальше-то еду, думаю, не перекреститься ли, ни хрена себе рыбалка начинается, и вижу – собака! Здоровая, черная. По обочине чешет в ту же сторону. Метров за триста позади от тех. А за собакой еще чуть позади мужик. В черном плаще длинном, до самой земли, ты понял. С капюшоном. Смотрю – коса есть, нет? Вроде нет у него косы. Тут уж и вправду перекрестился. А все одно клёва не было вообще, ты понял.

Лузгин ошарашенно молчал.

– Погнали, называется, Советскую власть, – сообщил дед. – Надоела она им, ты понял. Мне она тоже, прямо скажем, не особо нравилась. Но при Советской власти не было такого. На днях, я слышал, опять бабу загрызли под Филиным. Вторую уже. Ты это, через Филино напрямик не ходи, ты понял, в обход бери вдоль озера, по старой дороге. Там мужики любого чужого застрелят на хер без разговоров. Знают тебя в Филино? А все равно не ходи, они же киряют вчерную. Раньше по безделью, теперь от испуга. С залитых глаз точно завалят...

Лузгин смотрел на дорогу и мучительно соображал. Мо-

жет быть впервые в жизни он не знал, что спросить. А ведь с детства был любопытен, недаром работу выбрал – сплошные расспросы и поиск истины.

– Собаки бешеные! – сказал дед с выражением. – Допустим, с собак все началось, я не возражаю, ты понял. Но дальше одними собаками не обошлось. Хотя ты и собак тоже бойся. Ты как лесом пойдешь, всего бойся. В городе вроде ясно, кого бояться. А в лесу какое говно лазает, не разбери-поймешь. Второе лето хер знает, что творится. Раньше хоть понятно было, куда жаловаться...

«Запорожец» сбавил ход. Слева впереди в плотной стене леса виднелась рваная прореха. А справа – покосившийся указатель «На Зашишевые», облезлый и в дырках от сквозной ржавчины. Надпись читалась с трудом.

– Дальше не повезу, даже не надейся, – сказал дед, притормаживая.

Лузгин глядел налево. Еще позапрошлым летом в глубь леса уходил вполне приличный укатанный грейдер, по нему можно было гнать и под сотню, если машину совсем не жалко. Ну, дорога осталась дорогой. Только крайне запущенной, с осыпавшимися заросшими травой обочинами и заметной грузовой колеей посередине.

– Не надеюсь, – вздохнул Лузгин, протягивая деньги.

– Ружье собери и заряди, – распорядился дед. – Картечью. А лучше пульей, ты понял.

– Хватит меня запугивать, – попросил Лузгин, выбираясь

из машины.

– Я и так уже едва дышу.

– Живее будешь, – дед откинул спинку правого сиденья, помогая Лузгину достать рюкзак и чехол с ружьем. – Да, это... Привет Ерёме от меня, ты понял. Скажи, зимой приеду на мормышку ловить.

– А зимой, что, в Зашишевые не страшно?

– Зимой тут везде глухо, – сказал дед. – Как в танке.

И сам захлопнул дверь, отгораживаясь от Лузгина уже окончательно.

– Вас зовут-то как? – спросил Лузгин, но дед уже разворачивал дребезжащий «Запорожец».

– Никак, – понял Лузгин.

* * *

Для начала он помочился на обочину. Потом закурил сигарету и поглядел на часы. Полдень. Если ничего страшного не произойдет, к Зашишевью можно выйти около шестнадцати. Лузгин вытащил из чехла помповую гладкостволку и ловко собрал ее на весу. Присел в задумчивости над рюкзаком. Боеприпасы он упаковывал бессистемно, не глядя, и в каком углу рюкзака затерялась коробка с двадцатью патронами, снаряженными дробью «три ноля», никак не мог вспомнить.

– Бред, – сказал Лузгин, вскрывая клапан.

– Паранойя, – добавил он заметно громче через минуту-другую.

– И всё-таки! – провозгласил он в полный голос еще несколькими минутами позже, заряжая подствольный магазин.

За все это время по асфальту не проехало ни одной машины.

Лузгин передернул затвор, щелкнул предохранителем, и дозарядил ружье еще одним патроном.

Он, в общем-то, не чувствовал страха. Но Лузгин прекрасно знал, что местные не боятся ни волков, ни медведей, ни бешеных собак, ни белой горячки. Этого добра в округе испокон веку было хоть задом ешь. Местные опасались только милиции, да и то по причинам отнюдь не метафизического, а самого что ни на есть материального свойства. В приснопамятные советские времена народ постоянно что-то воровал – не от хорошей жизни, конечно, – и до сих пор сохранил перед людьми в погонах атавистический ужас. Да и милиция тут всегда была насквозь коррумпированная, эдакая сама себе мафия, и кого угодно могла посадить за что угодно, или вовсе ни за что.

Короче говоря, если местные вздумали чего-то всерьез бояться, значит, оно пострашнее милиции будет. Выходит, и самому немного побережься не зазорно.

С этими невеселыми мыслями Лузгин навьючил на себя рюкзак, приспособил ружье на одно плечо, и зашагал по

грейдеру, держась самой его середины.

Через два часа, обходя берегом озера потенциально опасное для жизни село Филино, он наткнулся на бешеную собаку.

Небольшого роста черная с рыжим псина, некогда лохматая, а теперь облезлая, трусила Лузгину навстречу по узкой тропинке.

Запаленное дыхание и вся морда в пене.

Лузгин сполз с тропинки задом, выставив перед собой ружье.

Собака покосилась на человека мутным заплывшим глазом и, хрипя, будто загнанная лошадь, пробежала мимо.

– С-с-сука! – прошипел Лузгин ей вслед, защелкивая предохранитель.

Хвост удаляющейся собаки весело торчал вверх.

Лузгин сам уже шел в одной рубашке и все равно потел. А каково было по жаре псу, хоть и облезлому... Тут не то, что вспенишься – закипишь.

– Бля! – выдохнул Лузгин, доставая трясущейся рукой сигареты и ощущая всем телом, как бешено колотится сердце.

Больше он до самого Зашишевья никого не встретил.

* * *

К концу дороги Лузгин совершенно запарился и похудел минимум на килограмм. Можно было, конечно, по пути оку-

нуться в три озера и две речки, но не терпелось поскорее добраться до места и выяснить, что за аномалия там приключилась. Большое и удивительно чистое Шишево, вдоль которого село лежало, и то Лузгина не соблазнило – он наспех голову в воду окунул с мостков, да шею намочил. В это озеро не хотелось нырять. Отсюда слышно было: ой, нехорошо на берегу.

Ничего слышно не было.

В нормальном состоянии даже такое умирающее село, как Зашишевьё, производило довольно много шума. Причем не городского, сливающегося в гул, а типично деревенского, состоящего из множества самостоятельных и информативных шумов. Вот лесопилка гудит, вот трактор везет с поля сено, а кто-то в город на грузовике двинул, а там баба матом кроет сволочь пьяную свою... Да и псина какая нет-нет, а гавкнет.

Нынче село то ли вымерло, то ли затаилось.

Лузгин на Зашишевьё вышел с юга. Не удержался, срезал угол по лесным тропинкам. Половиной мозга понимая: ох, нарывается – а другой твердо зная, что в жару никакое лесное чудовище на охоту не ходит, оно под корягой прячется и тяжело дышит. И действительно, никто его не загрыз и не испугал. То есть, вздумай Лузгин испугаться, он бы повод нашел, но после встречи со взмыленной собакой ему основательно полегчало. Вспомнил, как велики глаза у страха. И еще – что местные народ сметливый, но малограмотный.

Увидел кто-то мельком что-то. Принял его за черт знает,

что. Обозвал непонятно как. И пошел на всю округу байки травить, знай ему наливай. Включается испорченный телефон – кстати, здесь и настоящий-то телефон постоянно сбоят... «Кстати!». Лузгин, неловко извернувшись, сунул руку в боковой карман рюкзака и вытащил мобилу. Нет контакта с сетью. Последний сотовый ретранслятор стоял в городе.

Да и зачем тут ретранслятор? В Зашишевые магазина-то нет уже десятый год. Спасибо, электричество есть.

Итак, Лузгин пришел с юга, и теперь в село входил не с «парадного» края, а по узкой боковой улочке. И сразу же заметил, как прибавилось брошенных домов. Этот конец Зашишевья действительно вымер.

Но дальше-то что?

Будто желая поддержать Лузгина, вдалеке замычала корова. Он прибавил шаг, обогнул угол, и остановился, с облегчением переводя дух.

В селе жили люди. Они даже занимались делом. Братья Яшины, непохожие близнецы, крепкие шестидесятилетние дядьки-пенсионеры, напряженно трудились. Старший, Витя-электрик, висел на высоком столбе, обхватив его «кошками», и ковырялся в телефонном коммутаторе. Младший, Юра-плотник, сидел у подножия столба, и пил водку, заедая ее копченой рыбой. Вите как раз захотелось добавить, но слезать, видимо, было лень – он опустил вниз полевую сумку на длинном ремне, а Юра аккуратно вставил в нее стакан, накрыв его бутербродом с рыбой.

– Ну, братка! – сказал Витя, откидываясь назад, чтобы удобнее было опрокинуть дозу – насколько позволял страховочный пояс, обвивавший столб.

– Ну, братка! – ответил Юра.

Они дружно выпили, причем Юра как раз увидел Лузгина и сделал поверх стакана большие глаза.

Витя у себя наверху закусывал.

– Слушай, Андрюха приехавши! – сообщил Юра хрипло.

– Где? – Витя принялся опасно вертеться на столбе. – О! Андрюха! Етить твою! Приехавши!

– Не приехавши, а пришедце, – поправил Лузгин. – Здорово, отцы.

– Здорово! А чего, где машина-то?

– Маринке оставил.

– Присаживайся. Братка, ну его на хер, слезай давай. Слушай, а Маринка приедет?

– Не приедет, – коротко ответил Лузгин, сбрасывая рюкзак.

– Во как... – сказал Юра понимающе. – Ну, выпей.

Витя спустился вниз, звякая «кошками», подошел к Лузгину и сунул ему мозолистую руку.

– Опять вырос, – оценил он. – И куда вы растете!

– Да куда мне расти, тридцать лет уже. Все ты шутишь, дядь Вить.

– Ско-олько?

– Тридцать.

– Это сколько же мне тогда?!

– Слушай, ты посуду давай, – напомнил Юра.

– На.

– Ну... Вот. Держи, Андрюха. С приездом.

– С приездом, – согласился Лузгин, опасливо заглядывая в стакан и заранее передергиваясь. Этикетка на водочной бутылке внушала сомнение даже издали, а уж вблизи... И налили ему сто граммов верных. Здесь по-другому не умели наливать. Не понимали, зачем. И вправду зачем, смысла ведь никакого. Пить надо чтобы выпить.

Водка оказалась мерзкая, да еще и теплая. Наверное поэтому она тут же, ударом, треснула в голову. Лузгин присел на траву и достал сигареты.

– Вы сейчас курите? – спросил он. Близнецы лет пять назад на спор вместе бросили курить. Кто первый закурит, с того ящик.

– Не-а, – мотнул головой Юра. – Этот-то смолит втихаря, я подозреваю...

– Чего-о?

– Молчу. Слушай, Андрюха, ты рыбки попробуй. Отличная рыбка.

Лузгин попробовал. Рыбу есть было можно, ее почти докоптили.

– Хорошая, – кивнул он. – Сами... настроляли?

Прислоненную к забору двустволку Лузгин сразу заметил, просто не знал, как о ней спросить.

Братья переглянулись.

– Слушай, а давай еще по одной, – предложил Юра. – Там и осталось-то всего ничего.

– Да мне же идти дом открывать. Мести, вытряхивать, мыть, воду таскать – возни на три часа... Может, вечером?

– Вечером не до того будет, – сказал Витя. – Давай сейчас. Да чего ты смотришь на нее? Хорошее вино.

Лузгин с трудом отвел взгляд от бутылки, закурил и кивнул.

На этот раз ему перепало чуть меньше, и по голове стукнуло не так сильно. Подзатыльник, не больше.

– Хорошее вино, – повторил Витя. – Эх... Ладно, полезу доделывать.

Он зашагал к столбу.

– Что с телефоном? – спросил Лузгин.

– А-а, с ним всегда чего-нибудь. Трещать начал. Плохо слышно.

– А вечером что намечается?

Витя, уже закинувший одну ногу на столб и впившийся в дерево стальными когтями, оглянулся.

– Часиков в десять подходи на Кресты, – сказал он. – Поговорим.

Там все будут, и ты приходи.

– С ружьем?

– А как же. Пули есть у тебя?

– Крупная дробь. Три ноля. Почти картечь.

– Ну, не знаю. Ты сначала тогда ко мне зайди, я тебе с пулями дам, у тебя же двенадцатый калибр?

– На кого охота-то?

– А х...й его знает, – очень честным голосом ответил Витя, карабкаясь на столб.

Лузгин в упор посмотрел на Юру. Тот сделал неопределенное движение носом.

– Слушай, ты откуда пешком-то? – спросил он.

– С повортки. Филино обогнул – водила посоветовал, который меня вез.

– Слышь, Витя? Ему водила посоветовавши Филино обойти.

– Какой еще водила?

– Который Андрюху до повортки вёзши. Вот гандоны ведь городские!

– Сучьё, – поддержал Витя, заново пристегиваясь страховкой к столбу. – Андрюха, они тебе про собак бешеных не говоривши?

– Рассказывали. Мент на вокзале. Но этот, который вез меня...

– Вот гандоны рваные, етить твою!

– ...он сказал, что дело не в собаках.

– Ага! – обрадовался Юра. – Слушай, люди у них кусаются! Да?!

Лузгин выставил перед собой ладони – мол, за что купил, за то и продаю.

– А вообще, – заметил Витя со столба, – если в нашем городе долго прожить, и кусаться начнешь, и лаять.

– Хорошо, – сказал Лузгин. – А кто тогда кусается?

– Зверь, – ответили ему. – Зверь ходит.

– Э-э... Какой?

– Я же говорю – х...й его знает. Следы вроде как у россомахи – видел у россомахи следы?

– Не-а.

– Вот как у нее, но здоровенные. Он такой зверь. Медведь не медведь, волк не волк. Надо его, конечно, того. Лазает, гад, следит повсюду, собак ест, баб перепугал насмерть. Вчера Козлову собаку утащивши – помнишь Козла-то?

– Ну.

– А помер Козел. Собака бегала-бегала, вчера гляжу – пропавши. Точно зверь ее заевши, сука. Некому больше.

– Это не черная с рыжим, уши торчком, хвост кверху? – спросил Лузгин. – Небольшая. Облезлая, будто с лишая? Я под Филиным ее встретил.

– Не, у Козла белая. А то, вон, его кобелина, – Витя со столба махнул рукой в сторону брата.

– Удрал, – вздохнул Юра. – Под Филиным, говоришь? Мда. Е...т...ся, наверное, побёгши. Ничего, пое...т...ся – вернется.

– Думаете, этот зверь пастухов загрыз? – свернул ближе к теме Лузгин.

– Каких пастухов? – дружно изумились близнецы.

– Ну, вроде бы погибли двое... – начал Лузгин неуверенно.

– Слушай, это у Горелого Бора? – перебил Юра. – Ага? Нет, братка, ты понял?! Ё-моё! Совсем они там в городе ох... евши. Да кто же их загрыз? Они сами кого хошь загрызут. Ножамы один другого зарезавши. Бабу вроде не поделивши. Тьфу!

– Хорошо, а женщина мертвая в районе Филино?

– Слушай, да она же не местная! – воскликнул Юра так радостно, будто это все объясняло и сводило к минимуму ущерб.

– И... И что?

– Да ее из города вывезли и нарочно бросили!

– Не далеко везти-то?

– Слушай, мужик, да кто ж их поймет, городских?

– Ты представь, Андрюха, – сказал Витя, запуская отвертку в коммутатор. – Чего под Филиным в лесу может делать голая баба с маникюром и этим па... падикюром? Молодая.

– Молодая, – повторил Юра, поднимая кверху палец. Опять же, будто молодость погибшей многое проясняла.

– А то, что погрызли ее – ну, мало ли, кто погрыз.

Лузгин громко рыгнул. Пахнуло сивухой.

– Извините, – сказал он. – Давайте подытожим. Значит, лазает зверь, дерет собак, оставляет следы, больше ничего. Но люди-то пропадают? Рыбаки, я слышал, исчезли. И потом, вроде бы прошлым летом приезжали сюда двое москви-

чей – и тоже пропали. Их милиция искала.

– А-а, слушай, это которые зверя как раз ловивши! – вспомнил Юра.

– Биологи, зоологи, хрен их поймет.

– Сами его и наклепали сюда, – добавил Витя со столба.

– Он еще в прошлом году тут был?! – вконец ошалело спросил Лузгин.

– Не-а, в том году зверь к городу ближе ходил. Москвичи у нас покрутились чуток, поспрашивали, и дальше умотали. Серега Муромский их тогда за Горелый Бор отвезши – и с концами. Ментовка потом искала, да без толку. А странные были оба. Пришибленные не пришибленные, а вот с прибабахом. Медленные. Я еще подумал – как они зверей-то ловят, если медленные такие.

– Ладно, – сказал Лузгин, поднимаясь на ноги. – Пойду дом открывать. Вечером увидимся.

– Ты, Андрюха, погляди там у себя внимательно. Изба-то на отшибе, вот и погляди – вдруг следы.

– Я смотрел – нету, – сказал Юра.

– А пускай он поглядит, глаза-то молодые.

– Только уже залитые малость, – заметил Лузгин и снова рыгнул.

* * *

Село и вправду умирало. Проходя главной улицей, Луз-

гин повсюду встречал отчетливые знаки близкого конца. Конечно, Зашишевы еще держалось, ерепенилось, даже новый и довольно прибыльный бизнес освоило – заготовку древесины – но ему фатально не хватало молодых. Они покидали этот лесной угол еще в советское время, а когда настала эпоха больших возможностей, сорвались отсюда все разом. У них просто не было стимула оставаться.

Чтобы жить, село должно обладать стратегически верным положением на карте. Зашишевы этим похвастаться не могло. Окажись оно хоть километров на десять ближе к городу, здесь сейчас была бы дачная зона, неплотно, но обстоятельно заселенная бегущими из шумного и грязного Подмосквья столичными жителями. А это уже приработок для аборигенов, рентабельный автобус и магазин хотя бы летом. Какое-никакое, а шевеление. Увы. Быть может, придет время, и Зашишевы поднимется. Но скорее всего, этого не случится.

Потому что незачем.

На Крестах – единственном в селе перекрестке, украшенном кирпичным ящиком автобусной остановки и «рельсой» пожарного колокола, Лузгин встретил Ерёму-рыбака. В прошлом знатный браконьер, а теперь просто мирный дедушка-алкоголик безуспешно пытался завести мотоцикл с коляской, весь такой же перекошенный, как ерёмина физиономия. По меркам прогрессивного человечества рыбак был просто в жопу пьян, по своим личным – вполне ничего.

– О, Андрюха! – обрадовался Ерёма. – Приехавши!

Лузгин угостил его сигаретой.

– Привет вам, – сказал он. – От деда на «Запорожце».

– От какого деда? – удивился Ерёма.

– Дед меня подвозил на желтом «Запоре». Просил вам передать, что зимой приедет на мормышку удить.

Ерёма только головой помотал да рукой махнул.

– Да и ну его, – сказал он. – Слушай, что я у тебя спросить хотел... Во! А правда, Киркоров – пидор?

– Дядя Ермолай, я же светской хроникой не занимаюсь, – извиняющимся тоном ответил Лузгин. – В основном про социалку пишу – ну, типа, как народу херово живется.

– Правильные слова, Андрюха! – воодушевился Ерёма. – Народу сейчас живется... – он снова помотал головой и махнул рукой.

– Далеко собрались-то? – участливо спросил Лузгин.

– А-а... – Ерёма изобразил ту же комбинацию жестов и широко улыбнулся. Глаза у него были пронзительно-голубые, приделай на молодое непропитое лицо – и хоть сейчас в Голливуд.

– Ну, счастливого пути, – сказал Лузгин.

– И тебе, Андрюха, того же!

Из коляски мотоцикла торчала двустволка.

* * *

Дом Лузгина стоял у околицы, и в этом году его от бли-

жайшей жилой избы отделяло уже не две заколоченных, а четыре.

– Как же ты там будешь, милоч? – спросила Лузгина повстречавшаяся на пути знакомая старушка. – На самом краю, да еще один... Может, ко мне, а? У меня полдома свободно, живи – не хочу.

– Ничего, справлюсь, – улыбнулся Лузгин.

На участке никаких следов не обнаружилось, разве что за баней – там неоднократно выпивали и закусывали, но деликатно, без вандализма. Не у чужих же.

Лузгин открыл дом, распахнул ставни и окна, затопил печь, вытащил на лужайку пару матрасов, половики, и начал выметать накопившуюся за два года пылицу, радуясь, что избушка у бабушки небольшая была. Потом натаскал воды, полы вымыл, половики выбил, по-быстрому искупался в озере, переделся в чистое и принялся разгружать свой объемистый рюкзак. Сумку с ноутбуком небрежно бросил на диван. Расставил по кухонным шкафчикам припасы, которых должно было хватить на первую неделю – а потом наверняка оказия в город случится, или можно вытащить из бани велосипед и до Филино доехать. Тамошних мужиков с ружьями он уже не боялся. Куда больше Лузгин теперь опасался водки, которая продавалась в филинском магазине – он ведь ее уже сегодня попробовал. Нет, за водкой – в город. Пока что литр есть... Лузгин с сомнением поглядел на бутылки. Выпитое так и не выветрилось из организма, напротив, оно там

в каком-то пороговом состоянии присутствовало, не столько радуя душу, сколько подбивая добавить. Собрав волю в кулак, Лузгин бутылки спрятал и посмотрел на часы. Ого! Вечер уже. Полдесятого. Не мешало бы поужинать – кто его знает, как оно дальше обернется. Тратить на перекус банку тушенки было жаль – тушенке предстояло обрести консенсус с макаронами, явив миру сытное и вкусное горячее блюдо. Поэтому Лузгин сунул в карман пару вареных яиц, оставшихся с дороги, и краюху черного хлеба, завернул в бумажку немного соли. Прицепил на пояс нож, плотно набил кармашки патронташа, небрежно повесил его на плечо, взял ружье, вышел на крыльцо, присел и закурил.

Безмолвие нахлынуло и потрясло. Тихий-тихий шелест листвы, почти неразличимый плеск воды у берега, и ни одного искусственного, человеческого звука. У Лузгина чуть слезы на глаза не навернулись. Еще два с лишним месяца покоя впереди.

И никакого внутри ни смятения, ни зуда по поводу возможной в самом недалеком будущем встречи с неведомым зверем. Или не зверем. Или не встречи. Абсолютно все равно. Лузгин знал, куда едет, и зачем. Он искал тишины и гармонии. Он их нашел.

* * *

– На, держи, – Витя протянул Лузгину два патрона, сна-

ряженных пулями. Лузгин их критически оглядел и сунул в карман.

– Ты заряди, – сказал Витя.

– Успею, – отмахнулся Лузгин. Не хотелось ему обижать Витю, объясняя, что патроны выглядят не лучшим образом. Для двустволки, конечно, сойдет – пальнет, родимая, никуда не денется. А вот магазинное ружье с трудом переваривает картонные гильзы, набитые кустарным способом. Перекосит в магазинке такую гильзу запросто, и окажется у тебя вместо помповухи дубина. На утиной охоте перекос не трагедия, а вот против зверя...

– На дорожку? – предложил Витя.

Лузгин задумался. Витя заразительно подмигнул.

– А-а, черт с ней, давай! – обреченно согласился Лузгин.

Когда они подошли к Крестам, там уже топталось человек с дюжину. Все сплошь крепкие дядьки глубоко за пятьдесят, а то и старше. Верховодил, как обычно, Серега Муромский.

– На собаку возьмем! – убеждал он. – У всех собаки, какие остались, по дворам заперты, а мы одну за село выведем, и к околице – на цепь. И сами вокруг. Придет как миленький. Ветер откуда дует? Оттуда. Вот там посадим. И сами тихонько. Он выйдет, а мы фонарями его ослепим и – огонь. Секунду-другую он постоит ведь, ослепши – разве не хватит?

– Чью собаку-то на живца? – спросили его.

– Да хоть мою! – твердо ответил Муромский. – Ради дела не жалко. Во! Андрей!

– Здравсте, дядь Серёж, – улыбнулся Лузгин. – Здравсте все.

Началось обстоятельное здоровкание со всеми присутствующими и риторические ответы на непрременные риторические вопросы. Лузгина тут все знали еще во-от какого маленького.

– Ну чё, акула пера, – сказал Муромский. – Что там слышно в столицах? Посадят когда-нибудь этого ворюгу Чубайса, мать его ёб?

– Вряд ли, – покачал головой Лузгин, делая умное лицо. – У нас, конечно, не Америка – фиг знает, кого завтра посадят. Но ведь попадаются деятели, которых не посадят никогда, верно?

– Он же все мои сбережения поп...здил, – вздохнул Муромский. – Сколько на книжке было, столько и унес. Обокрал с ног до головы. Рыжий еврейчик Чубайс. Тьфу!

Серегу на самом деле был мурманский, это местные его в «муромского» переделали, как им удобнее показалось. Вырос-то Серегу здесь, и по зашишевским меркам высоко поднялся, мореходку окончил, карьеру завершил секундом на «торгаше». В общем, было там чего украсть Чубайсу.

Теперь Муромский на исторической родине если не командовал, то определенно задавал тон. Их в селе набралось таких – репатриантов с активной жизненной позицией – человек пять. Но увы, даже общими усилиями поднять Зашишевы они не могли. Потрепыхались немного, увидели, что дело швах, с горя запили – кто на годик, кто помень-

ше – успокоились и пошли тоже, как нормальные люди, валить-пилить-вывозить лес.

Лузгин стоял в толпе, почти не слушая разговора, ощущал, как усваивается водка, курил, и думал, что в общем-то Зашишевы выдержало удар судьбы. Могло бы просто рухнуть. Оно и пыталось. В годы перестройки тут разворовали, съели и распродали целый совхоз. Потом начали от тоски и пьянства вымирать – на кладбище полно могил сорокалетних мужиков. Но к концу тысячелетия ситуация постепенно выровнялась. Село, будто живой организм, переболело, и теперь намеревалось достойно встретить старость. А там – как сложится.

«Только странного зверя им тут не хватало, – подумал Лузгин. – Зверь – это совершенно лишнее. Уж лучше город, где люди бешеные кусаются. В городе доски на базу сдал, товаром затарился и был таков. Глядишь, покусать не успеют... Черт побери, я все же пьяный. Какие звери?! Какое бешенство?!».

– Андрюха, со мной будешь, – сказал Витя, толкая Лузгина в бок. – Рядом держись, ага? А то мало ли... Ты же волка с медведем кроме как в зоопарке не выдавши, етить твою. Хотя ведь звали тебя, я помню. Сколько раз звали. А ты всё «работать надо, работать надо»... А зверь это тебе не птички-уточки. Прибаутки-шуточки...

– Да ладно вам. Будто на тиранозавра собрались.

– Тиро... завтра мы бы в болото заманили, – авторитетно

заявил Витя. – Он здоровый, но тупой. А наш зверь ох не прост, сука.

Лузгин словно проснулся. Тряхнул головой. Народное ополчение шло по улице гуртом, и он вместе с ним.

– Момент! – сказал он Вите. Протолкался вперед, к Муромскому. И сделал то, что нужно было с самого начала, чтобы расставить точки.

– Вы же сообщили в город? – спросил он.

– Ха! Ну, ты даешь. В том году еще. В охотинспекцию капнули.

Хотели сначала ментам заявление написать, но те не приняли. Сказали когда зверь человека сожрет, тогда может быть следователя пришлют. Я, понятное дело, поспрашивал кого мог. Оказалось, есть уже в городе и погибшие, и следствие полным ходом, и ментовка вовсю за зверем гоняется. Он по окраинам шастал. А потом к нам зоологи приезжали...

– Про это я слышал.

– Про то, что они пропали – тоже?

– Представьте себе.

– Интересные были ребята. Скромные, интеллигентные, но очень уж неразговорчивые. Я их и так, и этак – ни в какую. Настоящие зоологи, мать их ёб. Зоологи в штатском – понял, да? Жили тут неделю, днем все больше отсыпались, ночами по лесу бродили. Потом сказали – ушел зверь. Могли бы нас спросить, будто мы не знали. Он, понимаешь, когда от села далеко, сразу как-то легче дышится. Ну и, в об-

щем, попросили меня господа секретные агенты отвезти их за Горелый Бор. Я что – отвез, сколько дороги хватило. Они попрощались, в лес ушли. А через месяц являются менты, и за жабры меня!

– Деда, который их сюда подвозил, тоже допрашивали. Может знаете, он на желтом «Запоре» ездит.

– Слыхали, жаловался. Но с него взятки гладки, а на меня чуть убийство не повесили. Я уже, не поверишь, со свободой простился, и тут менты отстали. Может, узнали что-то. Тела, допустим, нашли. Такая херня, Андрей. Вот ты взял бы и написал про это. А? Чего молчишь?

– А что писать-то, дядь Серёж? – искренне удивился Лузгин. – Ну, как вы себе это представляете? «Антинародный режим скрывает от общественности таинственные события в провинции! Ужасный монстр терроризирует население!». Так, что ли? Факты нужны, факты. Хоть кто-то этого зверя видел?

Они подошли к громадному дому Муромского. Откуда-то из недр густо заставленного хозяйственными постройками участка пару раз тьякнула мелкая собачонка. Ополчение закурило и развесило уши.

– Зверя не гарантирую, но следы мы тебе покажем, следы наверняка сегодня будут свежие, – пообещал Муромский. – Можешь их сфотографировать, если есть, чем. А нету – я «мыльницу» дам.

– «Звериный оскал грабительской клики Чубайса!» – вы-

дал очередной заголовок Лузгин. – «Эксклюзивные снимки: еврейские олигархи-живоглоты наследили на русской земле!». Слушайте, не будем форсировать события. Дайте мне осмотреться, хорошо?

– Толку от вас, журналистов... – буркнул Муромский. – Скажи честно, тебя-то хоть не купили гады?

– Да кому я нужен... – отмахнулся Лузгин. – Даже не предлагали. А потом, у них все равно столько денег нет.

– У них – есть, – убежденно сказал Муромский. – Ну, ладно. Я сейчас.

Он скрылся за домом и через пару минут вернулся с собакой на поводке.

– Пират, – гордо представил Муромский небольшую остромордую лохматую псину с загнутыми кончиками ушей.

– Жалко, – сказал Витя.

Муромский утвердительно хмыкнул и пошел к околице.

– Фонари-то у всех? – спросил он через плечо. – А то могу дать. Андрей, у тебя где?..

Лузгин достал из кармана миниатюрный, в пол-ладони, плоский фонарик и, не дожидаясь ехидных реплик, сдвинул регулятор. На улице смеркалось, до полной темноты было еще далеко, но узкий луч шибанул вдоль улицы.

– Энерджайзер, – сказал Лузгин. – Маленький да удаленький. Светит отменно, правда батарейки жрет.

– Модный парень Андрюха, – хмыкнул Витя. – Всегда был пижон. Весь в отца. Эх, Димка, Димка, дружок мой, рано ты

помер...

Ополчение принялось вздыхать, Лузгин закусил губу. Отец его тоже, как и многие из местных, не пережил суровые девяностые. Сгорел. Андрей осиротел гораздо раньше, чем хотелось бы, частенько ощущал себя, будто ему в жизни чего-то очень важного недодали, и втайне осуждал знакомых, которые собачились с родителями. Полноценная, в три поколения, семья была по его мнению безусловным благом.

Как так вышло, что собственный брак Лузгина оказался в фазе полураспада, Андрей сам до конца не понимал. И в Зашишевы его пригнала настоятельная потребность очистить душу, разобраться в себе, отрешившись от московской суматохи. Побывать наконец одному – в надежде, что именно временного одиночества ему не хватало последние годы, и вскоре, отдышавшись, он сможет вернуться домой свежим и готовым любить дальше ту, которую по-прежнему хотелось любить, но уже не очень получалось.

А у них тут зверь.

– На всю жизнь запомнил, – буркнул Лузгин тихонько, Вите на ухо, – эту вашу историю про «камень надо передвинуть».

– Гы! – гордо сообщил Витя.

– У Козла потом доска не пролезала, а дяде Юре надо было срочно по-французски перевести, что на бутылке написано. И всё в один день.

– Гы! – повторил Витя еще громче и удовлетвореннее.

– Я к вечеру протрезвел немного, вышел прогуляться, а отец на Крестах с какого-то мотоциклиста пытается шлем содрать, до дома, мол, дойти...

– Не-е, это Юра. Димка-то в шлем вцепивши, а Юра и говорит – ну чего тебе, жалко, одолжи дружку моему шлем, домой сходить, он без шлема уже не может...

Село осталось за спиной.

– Ну что, дедушка, куда живца? – спросил Муромский.

– А вон, – сказал отставной егерь Сеня, главный авторитет в охотничьих вопросах, указывая на одиноко стоящую полевую сосну. –

Прямо туда. И не сомневайся, милоч.

Муромский вздохнул и повел Пирата к сосне. Пес бодро семенил короткими лапами и слегка подпрыгивал. Ему было весело. Пока что.

– И не сомневайся, – повторил Сеня.

Сеню вообще-то звали, как и Муромского, Сергеем. О чем Лузгин, которого Сеня ещё годовалого на коленях нянчил, узнал через четверть века, и то случайно. Как говорил отец: «Здесь имена выбирают людей, а не наоборот». Действительно, стал же Мурманский (по паспорту Иванов) – Муромским, Яшины – Яшкиными, и называли же одного плотника всю жизнь Козлом. Ничего, уважаемый был человек. Что интересно, вовсе не Козлов по фамилии...

Трудно не полюбить такие места. Это Лузгину тоже отец говорил, и с годами сын понял – да. Не захочешь полюбить –

хотя бы оценишь по достоинству. Здесь человека принимали не каким он хотел казаться, а каким на самом деле был и, возможно, никогда себя не видел.

– Значит, ты, милоч, туда иди, – распорядился Сеня. – А ты, милоч, вон туда...

– Встаем на номера, – буркнул кто-то.

– А ты, милоч, – это уже Лузгину, – давай с Витей. И по-перед него не стреляй, ты ж на зверя-то...

– Не ходивши, – перебил Лузгин. – Все нормально, дядь Сеня, я буду тих и скромн.

Вернулся к околице Муромский, хмурый и подавленный. Издали пару раз обиженно тьякнул Пират.

Витя послюнил указательный палец и ткнул им вверх.

– В самый раз ветерок, – сказал он. – Ни больше, ни меньше. Бля буду, сюда зверь придет. И мы ему... Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

– Сожрет Пирата – голыми руками словлю и яйца на уши намотаю, – сообщил, ни к кому не обращаясь конкретно, Муромский.

– Это если он кобель, – ввернул Витя. – А если сука?

– Тогда п...ду на нос натяну! – Муромский невесело хохотнул.

– Ну ладно, братка, ни пуха, – Юра хлопнул Витю по плечу и тяжело утопал вдоль околицы.

– К черту тебя, брательник! Эй, Андрюха, давай за мной.

Быстро темнело. Ополчение разошлось по номерам, и

Лузгин уже через несколько минут понял, что расположение соседей знает, но самих людей не видит.

– Курить завязывай, милоч! – прикрикнул на кого-то Сенья.

– Начальник, бля, нашелся, – ответили ему. – Не ссы, бычкую.

Витя сел прямо на землю под ивовым кустом, поставил ружье между колен торчком и сказал:

– А покурить-то совсем не лишне, пока можно еще.

Лузгин уселся рядом. Земля, прогретая за день, оказалась приятно теплой, хоть засни тут.

Пират снова тьякнул, потом взвыл. Получалось у него вполне отвратительно.

– Никак судьбу чувствует! – произнес Витя невнятно, жуя папиросный мундштук.

Лузгин тоже решил закурить, осторожно щелкнул зажигалкой и упрятал огонек сигареты в ладонь. Табак оказался вкуснее обычного. Сказывался зашишевский воздух. На этом воздухе и курилось по-особому, и пило, и елось, и еще множество приятных вещей обретало неожиданные свойства, и хотелось всего побольше, желательно сразу. Лузгин однажды в Зашишеве неделю пропьянствовал и выглядел потом как огурчик. А в Москве он после трехдневного загула лежал пластом.

Из села Пирату ответила сначала одна псина, вскоре подключилась вторая.

– Всю жизнь интересуюсь, это они переговариваются, или как, – пробормотал Витя. – А может, поют?

– Или как. Если, конечно, верить зоологам.

– Видели мы тех зоологов, – сказал Витя. – Ну их в жо-пу. Чистые упыри. Хотя ничего ребята, обходительные, вот только...

– Что – только?

– Не знаю. Честно, не знаю. Ты с ним говоришь, а он сквозь тебя смотрит. Или они такие и должны быть?

– Выпивал я однажды с зоопарковскими, люди как люди. Веселые. Обещали крокодилом угостить, когда сдохнет. Бедняга долго не протянет, ему какая-то гнида по морде кирпичом навесила, он с тех пор в депрессии. Удивительная скотина – человек. Ну залезь к крокодилу в вольер и там хоть кувалдой его лупцуй, это будет по-честному. Нет, обязательно надо с безопасного расстояния кирпичом! Ты таких деятелей понимаешь, дядь Вить?.. Вот и я не понимаю.

Собачье трио выводило рулады. Лузгин снова огляделся и забеспокоился – совсем ничего не было видно. Где-то справа в темноте скрывался Юра Яшин, слева засел Муромский – по идее. Впрочем, сейчас полагалось не смотреть, а слушать.

– Давай теперь потихоньку, – шепнул Витя, будто угадав мысль Лузгина.

Прошло около получаса. Несчастный Пират то умолкал, то снова принимался за свое. Лузгин от души пожалел Муромского. Настроение постепенно менялось – расслаблен-

ное ощущение участия в каком-то трагифарсе уступило место знакомой с детства охотничьей настороженности. Вероятно, Лузгин внутренне согласился с правилами игры. И чувствовал себя примерно как на утином перелете – просто ждал развития событий, без лишнего напряжения, но готовый мгновенно среагировать на появление дичи.

Он вспомнил, как это было: отец, совсем еще молодой, сидит на заборе, в драной телогрейке и громадных валенках с галошами, а над головой у него пролетает стая – отец прямо с забора со страшным грохотом дуплит, и пара уток валится к его ногам... На самом деле «перелет» не всегда удавался. Однажды они битый час гоняли по кустам подранка, швыряя в него пустые гильзы и камни. А подранок оказался на поверку старой опытной уткой, обогнавшей стаю. Он пешком утопал от незадачливых охотников и, оказавшись на безопасном расстоянии, взлетел, громко крикая – как показалось тогда маленькому Андрею, ехидно. Через минуту появилась стая и вместо того, чтобы начать снижение, прошла высоко-высоко.

«Сделали нас, как маленьких, – сказал отец. – Понял? Толковая у них организация. Мотай на ус полезный опыт. Ничего, придем завтра. Не у каждой же стаи такой лидер впереди летит».

Следующим утром выяснилось, что хищная птица растерзала нескольких домашних утят на пруду у Вити. А вечером, придя на перелет, отец заметил ястреба.

«Видишь – на осине? – спросил отец. – Наверняка это он Витиных утят погубил. Сними его».

На суку будто мешок сидел. Андрей прицелился и выстрелил. Мешок сдуло. Они подошли к дереву, отец включил фонарь. На земле возился, громко шипя, раненый ястреб. «Добей», – сказал отец.

Ястреб был страшен – Андрей навсегда запомнил, с какой бешеной ненавистью птица смотрела ему в глаза, когда он опустил ружье, прицеливаясь. Эта ненависть пугала, но она же и подтолкнула скорее все закончить. До той ночи Андрею не приходилось совершать хладнокровного убийства, ему был знаком лишь охотничий азарт. Одно время мальчик сомневался – как это можно, стрелять по ни в чем не повинным животным – но первый же «выход на утку» все расставил по местам. Они два часа колупались на плоскодонке вдоль заболоченного берега. И когда утка выскочила прямо из-под носа лодки, стремительно уходя назад – поди скажи, что птица дура, – Андрей развернулся и чуть ли не с наслаждением нашпиговал ей задницу дробью. Именно так: дробь сволочи в задницу... Но одно дело противоборство, а совсем другое – месть.

Утята были очень милые, светленькие, доверчивые, забавные. Может, и не этот ястреб убил их. Тем не менее, Андрей снес ему голову выстрелом в упор, и никогда не жалел о содеянном. Много позже, через годы, он понял – ему в принципе несимпатичны животные-убийцы. Тигры и львы

не будили в Лузгине никаких восторженных чувств. Леопарды с гепардами оставляли его равнодушным. Волки раздражали. Фольклорная лисичка-сестричка при ближайшем рассмотрении оказалась довольно противной тварью. Лузгину по жизни нравились еноты и барсуки. Впервые увидев скунса, он вспомнил, что на Западе можно купить это чудо природы с ампутированной железой, и всерьез задумался, не подкопить ли денег. Еще Лузгин мог часами смотреть на кенгуру, а над капибарой просто медитировал.

Изо всех хищников он почему-то уважал одних крокодилов.

– Андрюха...

– А? – Лузгин от неожиданности дернулся, и тут же мысленно себя обругал. Надо же так далеко унести на крыльях воспоминаний – чтоб их переломало... И где, на охоте! Хотя какая это охота – пародия одна.

– У тебя часы не светятся? – спросил Витя.

– Не-а.

– Ладно, справимся, – Витя накрылся курткой. Чиркнула спичка.

– Полпервого. Долго ждем. Пора бы уже. Давно пора. Это нас кто-то сглазил, бля буду. На-ка...

Лузгин протянул руку и получил в ладонь что-то шершавое.

– Корочка сухая, – объяснил Витя. – Пожуй.

«Народное средство от сглаза на охоте», – вспомнил Луз-

гин и послушно сунул корочку в рот. Откровенно говоря, он был не против сглаза. Ему совсем не хотелось, едва выбравшись на волю, угодить в центр непонятных событий. Лузгин резонно предполагал, что он, с его журналистским удостоверением и репутацией «городского», то есть человека ушлого и пронырливого, окажется крайним в любой истории, какая тут приключится. Его непременно о чем-то попросят. И попробуй откажи. Да он и не собирался отказывать, не мог, только вот планы на лето у него были – ну совсем другие. Мечталось найти вокруг тишь, гладь, Божью благодать...

На другом конце села истошно заорала скотина.

– Ах, сучара... – выдохнул в сердцах Витя.

Вторя скотине, дико взвизгнула женщина.

Когда Лузгин в последний раз так бегал, он и вспомнить не мог. Не факт, что ему вообще случалось носиться подобным образом, сломя голову. Мужики шпарили по улице, бухая сапожищами, и сквозь запаленное дыхание там и сям прорывался отборный мат. Против ожиданий, никто не оступися, не влетел в забор, и не выпалил случайно. Лучи фонарей хаотично вырывали из темноты куски пространства. В домах загорались огни, на Крестах кто-то уже колошматил железом по железу, внося в происходящее дополнительный элемент сумятицы. Вокруг надрывались уцелевшие собаки, а далеко, в самом конце улицы, дурным голосом ревела корова, блеяли овцы, тарахтели куры, и все это многоголосье накрывал женский визг.

«Орёт баба – значит, живая», – подумал Лузгин.

Ополчение проскочило Кресты. «Рельсой» в Зашишевые служил лемех от старого плуга, и сейчас какой-то парнишка, от силы лет десяти, упоенно лупил по нему монтировкой.

– Домой пошел, мать твою ети! – рявкнул Витя, и ребенка как ветром сдуло.

Лузгин почувствовал, что отстаёт от толпы, и прибавил ходу. Странно было в свои тридцать с небольшим догонять пенсионеров, траченных крестьянской работой и крепко проспиртованных, однако же... Зато не страшно за их спинами. Похоже, Лузгин всерьез заразился общим настроением, и уже немного опасался неведомого зверя.

Впереди бухнул выстрел, потом еще один.

– От-ста-вить! – проорал Муромский.

К прочей живности впридачу заголосила кошка. Вероятно, поймала картечину не самым жизненно важным местом.

Пострадавший дом был третий с краю, последний жилой на улице. С заднего двора кто-то опять выпалил, и сквозь шумовую завесу Лузгин отчетливо расслышал характерный звук, который не спутаешь ни с чем – тресь! – это пуля вошла в живое дерево.

Лузгин перешел на шаг. Все было ясно. Теперь умнее отдышаться, а подробности ночного происшествия ему через несколько минут детально разьяснят. И вообще, развитие событий на ближайшие полчаса-час он мог предсказать со стопроцентной точностью.

Вот за домом матерятся, кто-то клянется «убить суку», рвется в погоню и других подбивает. А вот вмешался Сеня и объяснил – так нельзя. А теперь вступил Муромский и сказал, что этого не допустит. Ага, зверь уволок овцу! Действительно не стоит за ним гнаться сейчас, время упущено, вот если бы сразу, тогда еще да, а теперь уж нет, увольте... Лузгин обогнул дом.

– Андрей, сюда иди, – сказал Муромский. – Я тебе обещал следы – вот, ознакомься.

Муромский повел фонарем, Лузгин пригляделся, и сказал вполне искренне:

– Ой, мама... Зуб даю, это не Чубайс.

Чем значительно разрядил обстановку.

Скотный двор был бревенчатый, с прочными воротами, единственное слабое место – откидное застекленное окошко, через которое на улицу вышвыривали навоз. Зверь подобрался к окну по навозной куче, выдавил стекло, запрыгнул внутрь, сцапал овцу и ушел с ней. Из оставшихся на дворе животных ни одно не пострадало вообще. От этой информации у Лузгина неприятно засосало под ложечкой. Он вернулся к следам, и во втором приближении отпечатки лап зверя понравились ему еще меньше. С первого взгляда они просто вызвали оторопь. А тут...

– Кто сказал – росомаха? – спросил Лузгин. – Дядь Сень, ты где? Проконсультируй меня, пожалуйста.

– У росомахи вот так, – показал Сеня. – И здесь вот так.

Хотя это не россомаха никакая. И не мишка. И не волк.

– А кто?

– Зверь, – емко ответил Сеня.

Лузгин впечатал в засохший навоз свой туристский башмак сорок третьего размера.

– Я в этом, конечно, ничего не понимаю, но узковат след для животного, тебе не кажется? И длинноват.

– Оборотень, – подсказали сзади и хихикнули. Нервно.

– Значит, вот! – заявил Муромский. – Сил моих больше нет терпеть. Слушайте предложение. Сейчас все по домам, спать. Эта сволочь овцу сожрет и будет дрыхнуть до вечера. А мы с утра в лес. Отыщем гада, шкуру спустим и чучело набьем. Вопросы? Нет вопросов. Ну, тогда до завтра. Пойду, что ли, Пирата отвяжу.

– Схожу-ка я с тобой, – вызвался Витя.

– И я, – сказал Лузгин.

Они не спеша шли по улице, курили, и говорить не хотелось, один Муромский бухтел, обещая зверю страшные кары.

– Следы надо будет обязательно сфотографировать, – сказал Лузгин.

– Завтра щелкнешь самого зверя, – небрежно бросил Муромский. – Первая овца легко ему далась, поэтому он далеко от села не убежит. Зверье, оно всегда по пути наименьшего сопротивления идет. Оттачивает успешную технологию. За эту-то слабину мы нашего хитреца и возьмем.

– Ну-ну, – буркнул Лузгин. Обернулся к Вите. – Можно у тебя переночевать?

– Спрашиваешь! Веранда свободна, хочешь, насовсем поселись там.

Лузгин отлично понимал, что этой ночью можно беззаботно дрыхнуть хоть посреди села на улице, хоть за околицей в кустах. Но...

– Прочувствовал? – спросил Муромский.

– Да, – кивнул Лузгин.

Привязанный к сосне Пират хозяина встретил неласково. Он его истерически обляял. Лузгин еще подумал: что бы там себе ни воображали господа зоологи, а говорить животные умеют. Во всяком случае, матом ругаться – точно.

* * *

Разбудил его солнечный луч. Лузгин перевернулся на другой бок, закрыл глаза, и понял, что спать больше не хочет. Он прекрасно себя чувствовал, хотя вчера, поддавшись на уговоры, прикончил с Витей бутылку тошнотворного самогона, а отдыхал чуть больше четырех часов.

В доме ощущалось нешумное деловитое шевеление – корова уже наверняка подоена, к завтраку будет парное молоко, вкуснейшее, пасут-то на клеверных полях...

Словно вторя мыслям Лузгина, на дороге раздался выстрел. Хлесткий, как удар бича. Собственно, это и ударил

бич – не по живому, конечно, а просто для остратки.

– Эй-ё-твою-ма-ать!!! – задорно проорал кто-то. – Куда-а!!!

Тонкая стенка веранды содрогнулась – мимо протопало массивное животное.

– Давай-давай, – негромко сказала Витина жена. – Дуреха ты моя.

– Здорово, Татьяна! Эй-ё-твою-ма-ать!!!

– Доброе утро! На, пирожка возьми.

– О-о, благода-арствуем... Куда-а!!!

Бац! «Бе-е-е...».

– Со-овсем они седня одуревши... Эй-ё-твою-ма-ать! Ска-а-тина-а!

Бац!

«Хочу здесь жить, – подумал Лузгин. – И всегда хотел. Но что-то меня удерживало от этого шага. А сегодня не держит. Может, я взял от Москвы все, что она могла дать мне? И теперь – свободен? Хм... Допустим, зимой в деревне трудно. Но я не обязан хоронить себя тут. Как пожилые москвичи делают: полгода на даче, полгода в городе. Деньги – вот проблема. Деньги. Работа. Я далеко не культовая персона в русской журналистике, простой нормальный середнячок, каких много. Стоит такому надолго исчезнуть, читатель о нем забывает, а в редакции находится замена. Хорошо писателям – сидят и пишут, сидят и пишут... Когда я гляжу на бесконечные ряды книг в магазинах, мне иногда кажется, что наши

писатели вообще ничего больше не делают, не едят, не пьют, не занимаются любовью, только пишут и пишут. Круглосуточно. Гонят вал, дают стране текст. Может, писателем заделаться? Мечтал ведь в юности – вот поработаю журналистом, накоплю опыта, и замахнусь на серьезный роман. Сооружу бестселлер, заработаю деньжищи, все меня будут любить... Увы и ах. Оказалось, что писатель это прежде всего крепкая задница, железная сила воли и умение концентрироваться. А ты, Андрюха, терпеть не можешь сосредотачиваться на одной проблеме. Тебе надо чтобы сегодня одно, завтра другое, послезавтра третье, иначе скучно. Но... Так было, кажется, вчера. А сегодня и ты заметно другой, и на дворе совершенно новый день. Ты молод, здоров, полон сил, в любую секунду можешь освободиться ото всех обязательств – лишь слово нужно сказать, короткое слово „прощай“. И целый мир вокруг. Станный, загадочный, непознанный, манящий. Светлый огромный мир, залитый солнцем. Вперед! А? Не испугаешься? Ну-ну. Думай, Андрей, думай. Еще есть время, брат».

За стеной завозился Витя.

Лузгин улыбнулся. Хороша была та история, о которой он вчера напоминал.

...Андрею тогда исполнилось лет семнадцать-восемнадцать, и как-то утром он помогал матери по огороду. На крыльце маялся с похмелья отец. Курил, шурился на солнце, потом встал, буркнул что-то вроде «Ну, я тут это...» и исчез,

провожаемый неодобрительным взглядом жены и завистливым – сына. Прошло где-то с полчаса, и вдруг появился Витя. «Андрюха, пошли! – махнул он рукой. – Слышь, я Андрюху заберу, а? Нам там с Дмитрием надо камень передвинуть, вдвоем не получается». – «Конечно», – сказала мама. Витя почти бегом сорвался с места, Андрей, недоумевая – не лежало у Вити на дворе никакого камня – поспешил следом.

В сарае-гараже камня тоже не обнаружилось, зато там были пиво с водкой, недокопченная копченая рыба и отец, излучающий во все стороны позитивные эмоции. Андрею щедро плеснули «ерша», и через несколько минут он воспарил как на крыльях. Старшие чинно беседовали, младший благовоспитанно прислушивался, выпивка быстро кончилась. Отец сказал «Ну, я пройдусь», Витя отправился раскидывать навоз по картофельным грядкам. Андрей вышел на улицу и подумал: возвращаться к дому глупо – что на огороде требовало мужской руки, он сделал, а подвернуться матери, когда она занимается сельским хозяйством, почти наверняка означало быть припаханным.

Поэтому Андрей двинулся в центр села. Он настолько хорошо знал тут каждое бревнышко в каждой избе, что никогда не упускал случая посмотреть, как все меняется год от года. Зашишевы всегда были для него объектом пристального исследования. Любил он это место. К тому моменту он провёл в селе верных шесть лет чистого времени. Даже первые в жизни деньги заработал не абы как, а крестьянским трудом,

ворочая лопатой зерно на элеваторе. И еще – про Зашише-
вье он мог определенно сказать, что здесь никто и никогда
не пожелает ему дурного и не захочет причинить вред.

Свернув с Крестов налево, он успел пройти метров сто,
когда прямо на него выскочил из дома тот самый Козел.

– А ну, заходи! – позвал Козел. – Помоги нам с бате́й. У
нас там, вишь ты, доска не пролезает.

Андрей не подумал удивиться, просто взял и зашел.

Доски не было. Зато отец на газете чистил селедку.

Бутылку прикончили в три захода. Потравили байки, по-
смеялись.

Отец сказал «Ну, пойду взгляну, как там у меня дома». Однако, выйдя на улицу, тепло попрощался с сыном и бодро зашагал в диаметрально противоположном направлении.

Андрей, чувствуя себя необычайно хорошо, правда уже слегка неустойчиво, решил вернуться, залезть на чердак и раскопать в грудах старых журналов что-нибудь интересное. С каковыми благими намерениями он проделал обратный путь до Крестов. Там дорогу ему преградил Витя при поддержке брата Юры.

– Андрюха, ты по-французски читаешь? – спросил Юра сурово.

– Вот честное слово, два года учу этот язык, и до сих пор ни в зуб ногой. Полсотни слов знаю, конечно...

– Нам перевести надо что на бутылке написано. Пойдем.

– Спасибо, – сказал Андрей, – но с меня на сегодня хва-

тит!

Братья засмеялись, как показалось Андрею – с уважением.

– Ну, передумаешь – заходи...

– Андрей, милоч! – раздалось сзади.

Он обернулся. Из окна соседнего дома торчала встрепанная голова Сени.

– Баллон-то газовый! – напомнил Сеня.

Тут Андрей не ожидал подвоха. Действительно, нужно было забрать баллон с газом. Килограммов сорок или пятьдесят, нести от силы метров триста, если огородами. Даже с учетом некоторого заплетания в ногах для молодого парня не проблема.

Сеня ему такой отравы налил, что Андрей от одного запаха чуть не упал. Но отказать хорошему человеку не было сил. «Кажется, я впервые в жизни буду пить технический спирт, – пронеслось в голове. – Впрочем, Сеня-то ничего, хлещет эту мерзость и не жалуется. Глядишь, тоже выживу». Ощущая себя не то самоубийцей, не то настоящим индейцем, а в общем и целом полным идиотом, Андрей опрокинул прозрачную жидкость в рот.

– Что... Это... Было?.. – прохрипел он, отдышавшись.

– Как – что?! – почти возмутился хозяин. – Самогон!!!

После граненого стакана Сениного пойла Андрей баллона не почувствовал вовсе. Просто уложил красный цилиндр на плечо и, небрежно придерживая его одной рукой, пошел уз-

кими тропками, ловко открывая и закрывая за собой калитки, прыгая через канавы... Своего участка он достиг поразительно быстро, а баллон, не переводя дух, загрузил на место и подключил. После чего сказал «Мам, я прилягу» и вырубился.

Отца он нашел уже в темноте на Крестах – при большом стечении народа, под дикий хохот, Дмитрий Лузгин клянчил у проезжего мотоциклиста шлем. Домой сходить...

На веранду осторожно выглянул Витя.

– Ага, проснувши! Вставай, умывайся, пайка уже на столе.

«Пайка» оказалась вчерашней картошкой с тушенкой в большой сковороде и селедкой на районной газетке. Поверх раздела объявлений. Лузгин нацепил на вилку кусок осклизлой рыбы и прочел:

Н_Е_Ж_Е_Л_А_Т_Е_Л_Ь_Н_А_Я

Б_Е_Р_Е_М_Е_Н_Н_О_С_Т_Ь

Б_Ы_С_Т_Р_О

К_А_Ч_Е_С_Т_В_Е_Н_Н_О

Н_Е_Д_О_Р_О_Г_О

– Бля! – только и сказал он.

Опохмеляться Лузгин отказался наотрез. Заявил – и так хорошо. Ему действительно было хорошо. Зашишевский воздух прекрасно лечил похмельный синдром, точнее, не давал синдрому разгуляться в теле.

– А я выпью, – решил Витя. – Мало ли как дела пойдут, верно?

Лузгин смысла фразы не понял, но на всякий случай кивнул.

* * *

Народ собрался, естественно, на Крестах. Лузгин вспомнил, как много лет назад, совсем еще мальчишкой, проводил отсюда местных на волка. Тогда поддтая орава укатила в прицепленной к трактору ржавой телеге со страшно перекошенными колесами. Добыли они волка или нет, память не сохранила. Кажется, не добыли. Может, не особенно и хотели?

Сейчас мужики оказались практически трезвы. По некоторым заметно было, что они усилием воли заставили себя обойтись без дежурного утреннего стакана. Выглядело ополчение мрачно-деловито, с тем неуловимым оттенком холодной отрешенности, какой можно прочесть на лицах мужчин, готовых к убийству. Кажется, после ночного происшествия тут восприняли зверя окончательно всерьез, как равного себе противника, и шли на него тоже нешуточно.

Сеня привел Найду, свою гончую – старую криволапую псину, некогда гладкошерстную, а теперь просто в лишаях и проплешинах. С заплывшими гноем скучными глазками. Поверить в то, что эта развалина способна идти по следу, да еще давно простывшему, мог лишь тот, кто знал Найду в деле. Лузгин – знал. Но все равно не верил. Найда сильно

одряхла за последние годы, как и большинство зашишевских, как и все село.

– Хорошо, что ее зверь не заел, – сказал Муромский.

– У меня не заешь! – напыжился Сеня.

– Это ты, дедушка, молодец. Ну, погнажи?

Найда взяла след с полуоборота. Снюхала прямо с навозной кучи. И уверенно пошла в лес. Лузгин только языком цокнул.

– Я ее сюда ночью приведши, – объяснил Сеня. – Пока след теплый.

А ей все равно, она слепая, ничего не видит.

Будто желая проиллюстрировать, насколько ей все равно, Найда попробовала врезаться в дерево, но за секунду до удара носом сменила курс. Лузгин припомнил: собаки к старости действительно слепнут и ориентируются нюхом.

– Ночью она испугавши была, – сказал Сеня негромко. – Ой, милочка, испугавши... Но в лес прямо рванувши. Будто и страшно ей, и взять зверя все одно надо. Значит плохой зверь. Сильно плохой, однако.

– Чего это ты как чукча заговорил? – удивился Лузгин.

Сеня в ответ хмыкнул. Лузгин понял: не одна собака «испугавши». Она еще с ночи заразила страхом хозяина. А Сеня в жизни не был трусом. Осторожным, внимательным, осмотрительным – да, был. Предпочитал не связываться с опасностью попусту. Но, допустим, когда на него однажды решила поохотиться рысь – видимо, Сеня, низкорослый и худой, по-

казался киске добычей подходящего формата, – он охотницу переиграл и завалил с блеском, злорадно.

Что рассказало поведение Найды опытному народному умельцу, Лузгин воображать не хотел, а спрашивать в лоб постеснялся. Здесь это не было принято. Захотят, сами расскажут. В Зашишевые один Муромский, испорченный городской жизнью, вел себя естественно, раскрепощенно, где-то обходя, а где-то и прямо нарушая местный этикет. С остальными приходилось держать ухо востро, ловить малейшие оттенки речи – именно в нюансах крылась самая важная информация.

Охотники миновали подлесок и углубились в сосновый бор. Найда уверенно тянула хозяина за поводок, Сеня подтормаживал, не давая собаке чересчур разогнаться.

– Дедушка, не пора нам цепью? – спросил Муромский.

– Да что ты, милоч! – отмахнулся Сеня. – Километр еще, не меньше. Зверь, он вон там, в завале. Больше некуда ему.

– Это где старый бурелом? – уточнил Лузгин.

– Ну да, милоч, завал.

Такие вещи Лузгин привык спрашивать. В Зашишевые элементарный напильник звали то «подпилок», то «распилок», а водку либо «вино», либо «белая». Остальное питье – «красное». Что важно, не «цветное», а «красное», будь оно хоть белое полусухое. Когда вокруг сплошные лингвистические казусы, неровен час недопоймешь какую-нибудь сущую ерунду – может выйти глупо. Тут, было дело, Юра помогал

Муромскому массандру строить. Вот массандра она, и хоть ты тресни.

– А ручей? – встрепенулся Муромский.

– Да пересохши тот ручей.

– Не весь. И если зверь по руслу прошел?..

– На что ему?

– Не знаю, – сказал Муромский и насупился. – Я бы прошел.

– Ты ж не зверь! Они не любят.

– Не знаю, – повторил Муромский. – Я-то, допустим, точно не зверь. А что за гадость эта сука...

Он будто в воду глядел – и иносказательно, и буквально. За ручьем Найда встала, задрала нос вверх, покрутилась на месте, потом вознамерилась заложить дугу, но Сеня собаку придержал.

Следов в русле было не разглядеть, их замыло течением. А ручей тянулся себе и тянулся по лесу. Вовсе он не пересох.

Вдалеке маячила линия бурелома. Здесь лет десять назад повалило множество деревьев, и прятаться зверь мог где угодно.

– Разделимся, и в разные стороны по берегу? – предложил Муромский.

– Авось увидим, где он выходил.

Сеня подумал и не очень уверенно сказал:

– Это конечно да. А может, ну его?

– Ты чего, дедушка?

– Предчувствие у меня, – буркнул Сеня виновато. – Пошли-ка до села.

– Думаешь, пока мы тут, он – там?!

– Нет, милоч, нет. Только ничего у нас в лесу не получится. В селе надо зверя брать. Ночью. Он придет же, зверь-то.

– Бабы нас убьют! – бросил издали Витя.

– Это точно, – поддержал Юра. – Моя уже того. С утра на кочергу нехорошо смотревши!

– А моя-то! – пожаловался вчерашний пострадавший.

– Баб и детей сгоним в одну-две избы, выставим охрану, – заявил Муромский. – И устроим засидки по дворам, где скотина. Куда-то зверь непременно сунется. Тут мы его и возьмем. Хорошо ты придумал, дедушка. Теперь вопрос, людей-то у нас хватит? Или скотину тоже... Уплотнить?

– Если на совхозный двор? – предложил Витя. – Там крыша проваливши, а так ничего. Окна досками заколотим. Пусть зверь через крышу лезет, точно никуда не денется. Электричество я сделаю. Как он запрыгнет, а мы рубильник – бац! Полная иллюминация.

– Дело говоришь, – оценил Муромский. – Все слышали? Значит когда стадо вернется – сразу его туда. Ничего, бабы с ведрами прогуляются, не графини. Ну что, потопали на дворе порядок наводить?

– Главное в суматохе не пострелять скотину! – ляпнул что пришло на ум Лузгин.

– И не говори, Андрюха! Тогда нам точно п...ц! – хохот-

нул Витя.

– Я лучше грохну свою корову и съем, чем зверь ее утащит, – сказал Муромский. – Всё, решили. Возражения? Нет возражений. Пошли.

Возвращались они, нервно перешучиваясь.

И поминутно оглядываясь.

* * *

«Совхозный двор» оказался длинным коровником из белого кирпича. С отсутствующей крышей. Внутри было разломано всё. В полу зияли громадные дыры. Отличная натура для кино про светлую жизнь русской деревни после ядерной войны.

– Нормально, – сказал Муромский с удовлетворением в голосе. – Стойла в общем есть, цепи кое-где тоже. Коров зафиксируем, овец вон в тот угол загоним...

– А зверь возьмет, и по курам пойдет, – предположил Лузгин. – Вот смеху-то будет!

– Птицу – в те дома, где бабы с детишками. Пометить надо будет, а то потом не рассортируем. Не бойсь, Андрюха, справимся. Некуда деваться, иначе нас не сегодня-завтра бабы прикончат. Баба, она пострашнее зверя будет!

– Знаю, – кивнул Лузгин.

– Натравить бы их друг на друга! – выдал идею Витя.

Ополченцы хором расхохотались.

– Пол бы поправить... – вздохнул Муромский, ковыряя сапогом гнилые доски. – Ноги переломаем. Ладно, сойдет. Вить, как у тебя с проводами? И лампочки еще нужны, тут же ни одной не осталось.

– Не бойсь, все найдем.

Мужики быстро поделили обязанности и разошлись за материалами и инструментом. Лузгина забрал с собой Витя, таскать провода.

– Думаешь, зверь придет к коровнику? – спросил Лузгин.

– Конечно, – без тени сомнения ответил Витя. – Позже вчерашнего, но явится. Он сначала возле домов покрутится. Унюхает, что там одни люди, и двинет в обход села выяснять, куда скотина девши. Аккурат к совхозному двору выйдет. Мы еще окна забьем со щелями, чтобы запах шел. Это если у зверя нюх слабый, хуже собачьего. С хорошим-то нюхом он мимо села прямо ко двору пойдет, как по ниточке...

– Дядя Витя, тебе не кажется, что такого странного зверя убивать нельзя? – забросил удочку Лузгин. – А лучше бы поймать?

– Как тебе сказать, Андрюха... Нельзя-то оно, может, и нельзя. А придется. Что мы его, прикладами замесим? Он, сука, быстрый, резкий, прыгучий. Разве сетью? А порвёт? Это еще откуда он запрыгнет. Не бегать же за ним по всему двору с бреднем! Сам подумай. Тут ни петли ни капканы не поставишь. Только стрелять его.

Витя поразмыслил и добавил:

– Да и страшно такую пакость ловить. Ты-то не боишься?

– Очень боюсь, – честно признался Лузгин, и почувствовал, как от самих этих слов побежали мурашки по спине.

– Ну, вот и грохнем.

– Если удастся поймать, Зашишевые на всю Россию прославятся. А может, и на весь мир, – сказал Лузгин, перевозмогая накативший страх.

– А нам оно надо?

– Реклама вещь полезная.

– Андрюха, ты что, не понял – мы тут не живем, а дожидаем. Ко мне Серега, дружок-то твой, в последний раз пять лет назад приезжавши. Сын родной, мать его ети! Всё письма шлет, да звонит иногда. Мол занят, а то с билетами проблема. Никому мы не нужны, и никогда уже не понадобится. Реклама! Нам бы кладбище побольше, да на помин винца. Скоро как начнем один другого хоронить... Тьфу. Совсем ты меня расстроил. Пошли в сарай, я там кой-чего заначил...

К вечеру добрая половина ополчения распространяла вокруг себя мощный сивушный дух. Забивая выхлопы остальных мужиков, от которых пахло слабее. Тем не менее, и в селе, и в коровнике все было налажено как договаривались. Женщины, конечно, поматерили своих благоверных от души, но в положение вошли. Скотину никто не спрашивал. Кур переловили и надписали зеленкой, какая чья. Радовались приключению одни дети, сплошь чьи-то внуки, угодившие в Зашишевые на лето отдохнуть.

– Какого черта детей-то к родителям не отослали? – спросил Лузгин у Муромского. – Трудно позвонить и сказать, что тут опасно? Приехали бы, забрали. Да ты и сам при машине, мог бы отвезти.

Муромский почесал в затылке и выдал оценку ситуации, лишней раз напомнившую Лузгину, где он находится.

– Знаешь, – сказал Муромский, – в общем-то ничего чересчур опасного. Ну, зверь. А что, волки лучше? Конечно, если сегодня не получится, тогда может быть... Ты не паникуй. Водочки хочешь? Немножко? Чисто для успокоения нервной системы?

– Я уже. И как раз от этого забеспокоился.

– Значит, неправильную дозу принял. Добавь.

– Или убавь, – подсказал Витя, прислушивавшийся к разговору. – Серега, он тут идею толкнул, что зверя поймать надо. Реклама нам будет, говорит.

Муромский с живейшим интересом посмотрел на Лузгина.

– Ты, Андрей, не обижайся, но вы, журналисты, все е...анутые. Это я не про тебя лично, а вообще.

– Да я понимаю, – Лузгин вздохнул. – Мне просто в какой-то момент показалось...

– Не перекрестился? Обязательно крестись если чего кажется. Идея твоя прекрасная, но совершенно невыполнимая. Я сам об этом думал. Не выйдет. Вот, смотри...

– Да мне уже дядь Вить объяснил.

– Ну, и замечательно, – Муромский закурил, сплюнул под ноги, поправил ружье на плече, и вдруг сказал: – А было бы здорово поймать зверя. Ай, как здорово! Он ведь, э-э... Особенный. Мы бы с него настригли шерсти. Я даже не в смысле денег. Просто чтобы места наши прославить. Чтобы знали о нас. И вообще, сначала поймаем, а там уже поглядим. Вить, а Вить! Где подельник-то твой ошивается? Ведущий браконьер всего на свете?

– Ерёма? Бухой небось лежит в Филино.

– Жалко. У него сетей два километра, и оба который год без дела валяются. А свои-то ты не дашь сети, верно?

Лузгину стало тесно – это народ сгруппировался вокруг Муромского и Вити.

– Крыши-то практически нет над двором, – говорил Муромский. – Так, огрызки по краям. Но их хватит, чтобы закрепить сеть. Пустим в три слоя, ее тогда и бык не разорвет. Закроем сверху весь двор. По краю продернем трос. Зверь через стену прыгнет и собственным весом уже частично застегнется. Хвост от троса надо кинуть через балку, и когда зверь в кошеле окажется, протянуть со всей силы. Четверо с тросом бегом наружу через ворота, чтобы зверь на ноги не встал а остальные его – прикладами и чем попало. Отпи...дим душевно, к балке подтянем, горловину кошеля перехватим, самого зверя проволокой спеленаем, а дальше разберемся... Времени светлого в обрез хватит все устроить. Значит, решать надо быстро. Что скажете, мужики?

– Насчет отпи...дить – это я за! – сообщил вчерашний пострадавший, имени которого Лузгин так и не вспомнил.

– Получится, а, дедушка?

– Да как сказать, милоч... Если быстро трос потянуть, вроде должно. Стены высокие. Главное дело чтобы зверь сеть не углядел. По ручью-то пройти у него мозги хватило.

– Будем надеяться, что голодному мозговать некогда. Ну чего, народ, голосуем, или все уже «за»?

– Экий ты быстрый! – возмутился Витя. – Я сети-то вам еще не дал.

– А ты не дашь?!

– Дам конечно. Только ты сначала меня спроси.

– Витя, дай нам сеть! Пожалуйста!

– Да хрен с ней, берите!

Впервые за последние сутки Лузгин услышал в Зашише-
вье настоящий смех.

* * *

С сетями управились до темноты. По идее не должны были успеть, но вот очень захотели – и смогли. Мало того, что соорудили вполне работоспособную на вид ловушку, так даже испытали ее! Один из мужиков, употребив стакан допинга, бросился с крыши в сеть и был успешно пойман, отделавшись пустяковыми ушибами, а попутно заработав второй стакан и ласковое прозвище «Каскадер».

Правда, скотину перепугали – беготней и оглушительным матом в процессе теста, – но коровы быстро успокоились, а за ними и овцы кое-как притихли.

С испытательным прыжком здорово угадали – Лузгин сразу заметил, как переменялось в настрое ополчение. К мужикам пришла спокойная уверенность, которой не хватало раньше. Они придумали, как поймать страшного опасного зверя. А если ты кого в состоянии поймать, значит, не столь уж он страшен и опасен.

Ловушку вновь натянули, уже до того сноровисто, будто всегда с ней работали. У Лузгина эта сосредоточенная деловитая спешка наложила на предыдущие жизненные наблюдения, и он утвердился в печальном выводе: Россия умеет всё на свете кроме одного – у нее не получается остро хотеть.

Он не выдержал и сказал Вите – эх, если бы в этой стране все с такой охотой трудились...

– На всех зверей не напасешься, – отмахнулся Витя.

– А за бабки слабо?

– За бабки скучно. Мы народ морально-нравственный, нам идею подавай. Ты, что ли, за одни бабки работаешь?

– Могу еще за бухло.

– Да не п...ди! – натурально обиделся Витя. – Я же тебя с детства знавши. Понял? То-то!

– Ладно, я пошутил, – признался Лузгин. – Хотя...

– Кабель там продерни! – скомандовал Витя. – Ага, есть. Теперь сюда бухту тащи. Помаленьку трави... И чего «хотя»?

Смотрю я, херово тебе, парень. К Маринке-то вернуться думаешь, или уже того, насовсем?

– На самом деле мне хорошо, – сказал Лузгин, медленно вытягивая из бухты тяжелый черный провод. – Потом, наверное, будет херово, а сейчас хорошо. Вернуться... Она уверена, что да. А я пока ни в чем не уверен. Жить хочу. Просто жить. Успеть нечто особенное сделать, пока силы есть. Без оглядки на то, что обо мне думают, и чего от меня хотят. Кажется, именно это называется кризис среднего возраста. Черт побери, у родителей он наступал в сорок, а то и позже. А у моего поколения гораздо больше возможностей чего-то достичь, реализоваться, вот мы и начинаем фигней мучиться в тридцать с небольшим. Красиво, радостно мучиться. Ходил на встречу сокурсников, все жалуются, до чего им плохо. Сплошь начальники, хозяева, попадаются известные люди, настоящие знаменитости – и всем нехорошо. Потом один в меня пальцем ткнул – а вот у этого, говорит, вообще нет кризиса среднего возраста. Ка-ак я начал тельняшку рвать – мол у кого нет кризиса?! Да у меня такой кризис, прямо такой кризис, хоть ложись и помирай!..

– Ы-ы, – протянул Витя, изображая глубокое понимание. Подошел Муромский и спросил:

– Ну?

– Да вот, Андрюху на философию потянувши.

– Хер с ним, с Андрюхой! Ну?

– Спокойно, даю свет.

Витя перебросил рубильник, и слабенькое дежурное освещение потонуло в ярком блеске мощных ламп. Раздались одобрительные крики.

– Можем же, когда хотим, – сказал Муромский удовлетворенно. – Эх, если бы в этой стране все с такой силой вкалывали!

– На всех зверей не напасешься... – машинально ответил Витя и прыснул. – Да хоть работай, хоть сачкуй... Чего вкалывать, если никто лампы и кабель загодя не припрятавши?

– Тебе зачтется, – пообещал Муромский. – Эй, народ! Разошлись по номерам! Дедушка, проследи! Курим по сигарете и сидим, ждем. Готовы? Витя, отбой.

Иллюминация погасла, и Лузгин моментально ослеп от навалившейся темноты. Витю и Муромского он не столько видел, сколько ощущал. Это должно было пройти, но первым впечатлением стала полная беспомощность.

– Ну что, забьем кабанчика? – сказал рядом Муромский.

– А? – Лузгин обрадовался живому голосу и хотел услышать еще.

– Купила бабка поросю. Кормила, растила, вымахал здоровенный хряк. А бабка-то старая. Выходит на улицу, глядит – трое поддатых мужиков идут. Она им – сынки, помогите, забейте кабанчика. Я типа не обижу. Те – бабка, давай полбанки авансом. Ну, бабка налила. Мужики приняли на грудь, и в сарай к хряку. И начинается там светопреставление: вопли, удары, визг свинячий, аж сарай трясется. Потом

стихло все, мужики выходят, потные, довольные... Бабка – что, забили? А те ей – ну, мамаша, забить-то, конечно, не забили, но п...ды дали капитально!

Лузгин рассмеялся от души, немного даже чересчур.

– Ладно, я пошел, – сказал Муромский. – Задачу свою знаете. И ты, Андрей, когда начнется, умоляю, вплотную не лезь. Твое дело смотреть. Раз уж ты эту херню выдумал...

– Чего я-то? – буркнул польщенный Лузгин. Он помнил за Муромским нехорошую манеру – присваивать чужие идеи. И если уж захишевский «бугор» отметил его авторство...

Громадная фигура растаяла в темноте, стало неуютно, и тут же пришла мысль совсем противоположная – Муромский просто сомневается в успехе предприятия. Вот и напомнил, кому в случае неудачи работать козлом отпущения.

– А покурить-то надо, пока можно, – сказал Витя. – Покуривши оно веселее. Не как выпимши, конечно, но все же, все же... Все же.

Витя перешел на едва слышный шепот. Лузгин насторожился.

– Все же курить лучше после... – услышал он.

Раздался характерный выдох. Забулькало. Еще один выдох, протяжный, немного сдавленный, но ощутимо расслабленный. Пахнуло сивухой.

– На.

– Ох. Ладно, давай.

Самогон у Вити как был всегда тошнотворный, так и

остался. Но внутрь проскочил и назад не запросился.

– Вот теперь закурим.

Лузгина хватило лишь на то, чтобы утвердительно хмыкнуть.

Говорить он не мог.

Тем не менее, уже через минуту говорить захотелось. Очень.

Вообще стало, как Витя и обещал, веселее. «Кажется, организму уже все равно, что пить, – подумал Лузгин. – Деградирую. Если охота затянется на неделю-другую, я наверное обросту шерстью. Почему местные до сих пор не обросли шерстью? Это же удобнее. В баньке попарился, заодно и постирался. У Вити в сортире я видел стакан. Витя там с утра пивом лечился, без отрыва от дырки. Правильно, зачем далеко ходить?».

При воспоминании о сортире вдруг туда и потянуло. Неожиданно резко. За витиным самогоном Лузгин такого побочного эффекта не помнил и озадачился.

«Выйти, что ли, пока не поздно? Да вроде терпимо. Вероятно, это у меня нервное. Медвежья болезнь в начальной стадии. Тело намекает: пора бы успокоиться. Ой, пора. Неспроста я перед Витей про кризис распинался. Странная вышла болтовня... Сдержанная мужская истерика. А ну-ка, подумаем о чем-нибудь абстрактном...».

В селе залаяли собаки.

– Началось, – сказал издали Муромский. – Ну, теперь...

Вы поняли.

Прислушиваясь к шевелению в кишечнике, Лузгин поднял глаза и сквозь неплотный полог сети заметил несколько ярких звезд. «Однажды на месте Полярной окажется Вега. Увидит ли ее кто-нибудь с Земли? Почему я не верю, что увидит? И почему так мучительно хочется, чтобы это все же случилось? Может, это просто еще одно тщеславное желание личной реализации? Ведь если человечество погибнет, мой труд пропадет зря. То, что я успел сделать – малюсенькая крупинка в общем здании, но она все же присутствует, и я хочу, чтобы она... Была. Хотя бы поддерживала другие крупинки. Уже достаточно. Живите, люди. Всякие-разные, умные и глупые, красивые и не очень, белые и черные – живите. Пока вы есть на свете, я не умер. Я же столько работал для вас! Рассказывал, какие вы есть на самом деле. Иногда делал вам приятно, но чаще больно. Не со зла, а чтобы вы менялись к лучшему. Пусть не всегда у меня получалось, да и не очень важно это, главное – живите. Хотя бы какие есть».

Протрезвел он еще резче, чем опьянел.

На душе скребли кошки, и снова хотелось выйти. И побольшему, и еще глобально – убежать к чертовой матери.

Коровы обеспокоенно топтались в стойлах.

Заблеяла овца, потом еще одна.

Лузгин вцепился в ружье. Ему показалось, что он слышит тяжелое дыхание за стеной.

А потом он вправду услышал – как по кирпичам шварк-

нули когти.

Опасливо выставив ствол перед собой, Лузгин посмотрел вверх и увидел на фоне темно-серого неба грузный человекообразный силуэт.

Кто-то сидел там на корточках и глядел со стены вниз.

Лузгин готов был поклясться: глаза у зверя желтые, и он что угодно, только не животное.

Коровы звенели цепями и топали копытами, овцы уже просто орали дурными голосами. Лузгин, не дыша, смотрел на темную ссутулившуюся фигуру, медленно поворачивающую из стороны в сторону массивную голову.

Лузгин понимал, что не дышит, но дышать – не мог. Он бы сейчас удрал, если б не боялся подставить опасности спину. Еще помогало держаться воспоминание об интервью с одним профессионалом, который уверял: картечью хорошо расстреливать машины, это надежнее, чем автоматная очередь, пуля мало ли куда угодит, а дробовым зарядом из двенадцатого калибра ты просадишь дверь и вомнешь ее внутрь с противником вместе...

Худо-бедно, это успокаивало.

Скотина бесновалась. Зверь все принимался. Лузгин боролся с желанием по темному силуэту выстрелить, сбить его обратно за стену – черт с ним, пусть раненый уйдет, лишь бы перестал нагнетать страх, лишь бы можно было вздохнуть. Лузгин сейчас не чувствовал присутствия вокруг надежных опытных вооруженных людей. Он был со зверем

будто один на один. И испытывал дикий ужас, по сравнению с которым померкли все известные ему страхи. Он вообще не предполагал, что может так бояться.

Зверь приподнялся на задних лапах и неспешно, будто в замедленной съемке – видимо, настолько у человека обострилось восприятие, – начал валиться вниз. Лузгин прикинул возможную траекторию, шевельнул стволом, чтобы встретиться им зверя в нижней точке полета...

И тут сообразил, что у него пять выстрелов в магазине и ни одного в патроннике. С утра перезаряжал, потом не было повода дослать патрон, а дальше Лузгин окосел, задумался... Забыл.

Рука лежала на цевье помповухи – а где ей быть еще? Движение назад-вперед заняло бы четверть секунды максимум.

Зверь прыгнул.

Лузгин обосрался.

* * *

Увесистая туша ухнула в сеть, потеряла равновесие и с хрустом вломилась в гнилые доски пола. Вспыхнули лампы. Четверо мужиков, пинком распахнув ворота, бросились на улицу, затягивая горловину кошелья. Остальные подскочили к бьющейся в сети фигуре и принялись исступленно молотить ее прикладами, а кто похитрее да посмелее – заранее припасенным металлоломом.

Сквозь невообразимый гвалт прорвался оглушительный рык, и тут же – отвратительный вой.

Лузгин, держа обеими руками брюки, выскочил со двора и скрылся за углом, взяв курс на водонапорную башню, к знакомому с детства крану, откуда всегда текло.

Мало того, что он провалил ответственную задачу стороннего наблюдателя, еще и ружье бросил.

И на дальнейшую судьбу зверя Лузгину сейчас было категорически наплевать.

Хотя, судя по доносящимся со двора звукам, стоило бы этим озаботиться. Там кое-кого забивали – ой, не как кабанчика из анекдота, а конкретно, до состояния домашней колбасы. Мясо в кишки заколачивали.

Испытывая жуткий стыд и почему-то редкостное облегчение, Лузгин добежал до крана, разделся, отмылся, кое-как вычистил штаны, трусы зашвырнул в ночь, прикурил сигарету и постарался успокоиться. Его трясло. Надо было немедленно возвращаться, но делать этого не хотелось совершенно, и сил хватило лишь на то, чтобы пойти назад раздумчивым неспешным шагом.

На совхозном дворе бляло, мычало, выло – и смачно, с оттягом, било твердым по твердому, но живому.

Материлось еще. Радостно, звонко, душевно, как обычно русский крестьянин восхищается собственной работой, которую сделал хорошо.

Сам двор со стороны выглядел фантастически – длин-

ное грязно-белое здание, из которого вверх уходит даже не столб, а параллелепипед электрического света.

И били там, и били – и били, и били.

– Рррр-а-а-а!!! – кричал зверь почти человеческим голосом. – А-а-а!!! У-у-у!!! Гррр... Ы-ы-ы!!!

Судя по всему, он уже на отдельные удары не реагировал, а просто орал в предсмертной тоске. Потому что когда тебя забивают, в некий момент приходит осознание – забивают к чертям собачьим, или поразвлекутся да бросят. Зверь, похоже, решил, что уж его-то, ясен пень, на хрен забьют.

– А ты бы раньше подумал! – грозно заявил Лузгин, появляясь в воротах эдаким героем-победителем: руки в карманах, сигарета к губе прилипла. Заявил, глянул на зверя, и опешил.

Желудок прыгнул к самому горлу. Сигарета выпала изо рта. Лузгин поперхнулся, закашлялся...

Его стошнило.

* * *

Витя нашел Лузгина у подножия водонапорной башни. Тот нервно курил, в промежутках между затяжками тихо подвывая от жалости к себе.

Витя дышал, казалось, чистым самогоном. Лузгин тяжело сглотнул.

«Он, наверное, этой гадостью еще и кончает», – пришла

в голову безумная мысль.

– Жакни, – предложил Витя, протягивая бутылку.

– На х...й!!! – заорал Лузгин, вскакивая и отпрыгивая назад.

– Чего-то ты, Андрюха, сегодня расстроивши, – миролюбиво заключил Витя. – Прямо с самого утра. Ну, ладно. Это... Будешь тут куковать или ко мне пойдешь? Все одно концерт закончивши.

– Концерт... – буркнул Лузгин, затапывая сигарету. – Шоу уродов. Славный парень Андрюха и его дрессированные внутренности... Из чего ты свое пойло гонишь, дядь Вить?

– Как из чего? Из меда, конечно. У меня же пчелы, забыл?

– Уфф... Ну, вы как там вообще?

– Да ничего, – уклончиво ответил Витя.

– Скотину по домам сейчас?

– Не-а, темно. До утра оставим. Зверя оттащим подальше, чтобы не вонял. Привяжем, вон, прямо к водокачке.

– Было бы чего привязывать...

– Так он живой, зверь-то.

Лузгин вытаращил глаза и шумно рыгнул. Снова зашевелился желудок, слава Богу, пустой – только одарил ночь си-вушным факелом.

– Он дышит, зараза, – пояснил Витя. – Вломили мы ему знатно, убить могли, а он дышит. Образина, мать его.

– Не то слово, дядь Вить. Чудовище, блин. Я уже жалею

что уговорил вас поймать его.

– Ерунда, привыкнем, – оптимистично заявил Витя. – Ты Ваню Русского помнишь? А Гошку? Тоже были... Красавцы редкие. Я однажды на Гошку бревно уронил – бум его в канаву, а он там спавши. Рожу высунувши – ну, думаю, привет, уважаемый Кондратий. Ей-ей, чуть не помер.

– Бабушка рассказывала, – вспомнил Лузгин, хватаясь за малейшую возможность говорить не о звере. – Просыпается однажды на рассвете с ощущением, что в доме кто-то лишний. Открывает глаза, а перед ее кроватью стоит на коленях мужик с искаженным лицом. Она ему – Гошенька, бедный, что с тобой случилось? А он ей – тетка Нина, дай рубль! Мда... Привыкнем, говоришь? Ваня с Гошкой люди были. А эта нечисть – что она? Сказать? А? Объяснить тебе, чего нас от нее колбасит? Проклятье, да я хоть сейчас пойду и отстрелю ему башку! Привыкнем...

– Лучше осиновый кол в сердце, – посоветовал Витя.

Зрение Лузгина адаптировалось к темноте, и он хорошо видел, какое у собеседника выражение лица. Серьезнее некуда. Интонации-то Витины были всегда чуть дурашливые, не поймешь, шутит, или как.

– Это вервольф, – сказал Лузгин. – Знаешь слово?

– Знаю.

– Оборотень. Ты мог представить, что они бывают?

– Влегкую.

– Дядя Витя, не валяй дурака! Ну чего ты...

– Андрюха, мы люди деревенские, темные, суеверные, с любой херней готовы согласиться – догадываешься, почему? А с волками рядом живем. С медведями. Видим разное, чем всякое. Не боимся его обычно. Мы привыкли. Если кто ночью вокруг дома ходит – собака лает, и я с ружьем на улице. Потому что мой дом. Но место-то общее, и наше, и ихнее. Мы хозяева, и они, в общем, тоже хозяева. Вот. Этот зверь, он – другой. Он не отсюда, я думаю. Издалека пришедце.

– Перестань называть его зверем, дядь Вить. У него должно быть человеческое имя. И фамилия. Я одного не понимаю – какого черта он бегаёт в шкуре и всех жрет, ведь полнолуние давно прошло! Или это какой-то ненормальный оборотень, или мы о них ни черта не знаем. Ох... Вот же угораздило!

Подошел Муромский. Собственное ружье висело у него на плече, под мышкой торчала лузгинская помповуха.

– Ну что, засранец! – весело сказал он. – С боевым крещением!

– О-о... – простонал Лузгин, отворачиваясь.

– Не ссы, Андрюха, бывает, – утешил его Витя. – Нас однажды минометами накрывши – целый взвод в штаны наклавши. Дружно.

– Ты же не воевал! – усомнился Муромский.

– А в Советской Армии воевать не надо было, чтобы снаряд на башку упал. Сам не помнишь? Американцы, и те до сих пор по своим долбят, чего уж про нас-то...

– Это да, согласен. Андрей, держи ружье, и правда, не ссы. Дело житейское. Все перепугались. Чуть насмерть зверя не забили со страху. Насилу я прекратил это безобразие. Главное, людей оттаскиваю, а сам так бы и треснул гада лишний раз ломом по морде. Но крепкий он, сука! Думаю, у него все кости целы. Разве что пара ребер того. Его пулей надо в голову.

– Серебряной, – подсказал Витя.

– И обычная сойдет. Но мысль твою я улавливаю. Андрей, что скажешь? Вервольф?

Лузгин молча кивнул.

– Фантастика, – сказал Муромский. – Прямо кино. Был американский оборотень в Лондоне, а теперь русский в Зашишеве. Вот этого говна нам для полного счастья не хватало. Ведь не поверит никто! И вообще – ну, поймали. И что теперь с ним делать? И что сделают за это с нами? Он же, сука, наверняка секретный! Думаешь, он сам по себе зародился? Щас!

– Секретный, не секретный – по фигу. Сейчас он наш. Вот и пристроим его на пилораму – бревна ворочать, – предложил Витя. – Я не шучу. А там видно будет.

Муромский посмотрел на Витю с сомнением. Принюхался.

– Как вы говорите, ваша фамилия? – осведомился он елеинно. – Бухой?

– Ошейник ему надо железный, и цепь, – упрямо гнул свое

Витя. – На ноги кандалы, чтобы не разбежался. На руки тоже придумаем что-нибудь. Скажи Сене, чтобы кузню раскочегаривал. Все равно сегодня не спать.

– Зачем кузню? – спросил издали Сеня.

Лузгин вдруг осознал, что вокруг тихо. Наконец-то. Даже овцы на дворе не блеяли. То ли свыклись с присутствием зверя, то ли впали в ступор.

– Дедушка, а дедушка! Тут Витя придумал – на пилораму зверя, чтобы бревна катал.

– И правильно, милоч. А что еще с ним делать?

– Совсем с ума посходили... – бросил Муромский недовольно. – Андрей, хоть ты меня поддержи. Нельзя это чудовище в селе держать. А как его и куда... Не представляю.

– В городе есть лаборатория «Кодак-Экспресс»? – спросил Лузгин. – Должна быть хоть одна.

– Целых две, – сказал Муромский. – В городе теперь все есть.

Вплоть до ночного клуба и интернета. А через месяц обещают из Москвы привезти мужской стриптиз. Бабы уже деньги считают. Ничего развлечение – пидарасам в трусы купюры засовывать? Свою не пушу, бля буду.

– Ну чего, я в кузню пошел? – спросил Сеня.

– Иди уж, – вздохнул Муромский. – Забирай этого... мечтателя и иди. Зверя мы вам прямо к горну доставим. Хоть всего в железо упакуйте. Намордник бы ему, да рожа плоская, бульдожья... Я сейчас машину подгоню, зацепим его –

И ВОЛОКОМ...

Витя кивнул Лузгину и ушел вместе с Сеней в село.

– Дедушка грустный, – сказал Муромский тихонько. – Дедушка о зверя приклад сломал. Два раза. У своего ружья, а потом у чужого! М-да... Так зачем тебе «Кодак», Андрей?

– Пригодится, – заявил Лузгин уверенно. Он бы мог объяснить свой интерес к фотолаборатории прямо сейчас, но ему хотелось Муромского немного помучить. В отместку за «засранца».

– Лишнего спрашивать не буду, – Муромский зевнул. – Ваши журналистские профессиональные секреты... Сам расскажешь когда время настанет. Ладно, надо руководить, пока все не перепились в жопу.

– Пойду, что ли, с вами. Посмотрю...

– Теперь-то бояться тебе нечего, – многозначительно сказал Муромский, подавляя смех.

– Это Витин самогон виноват, – буркнул Лузгин, шагая рядом. Оправдываться было противно, но – очень хотелось.

– А ты его не пей больше. Захочешь накатить, ко мне приходи, я налью сколько угодно. У меня качественный национальный продукт. Двойной перегонки и тройной очистки. Почувствуешь разницу.

– С детства меня волнует один вопрос. Чего они-то дважды не перегоняют и совсем не чистят, а? Неужели просто от жадности? Как из крантика закапало – тут же присасываются?..

– Именно, Андрей. Именно от жадности. Ты поставь им самой лучшей водки, они скажут: ох, хороша! А когда водка кончится, будут хлестать смагу за милую душу. И попытаться самостоятельно приблизиться к высокому стандарту – ни-ни. Зачем? Им что бухло что пулемет, лишь бы с ног валило.

Муромский подумал и добавил:

– Хотя люди в общем и целом очень хорошие. Такой, блин, нюанс!

* * *

У вервольфа оказалась роскошная шерсть – темная, почти черная. Даже сейчас, изгвазданная, свалывшаяся, местами ободранная, залитая кровью, она производила впечатление.

Больше в его внешности найти что-то положительное было решительно невозможно.

С первого же взгляда на это существо тянуло блевать и убивать.

Порвать на куски, хоть зубами. Стереть с лица Земли. А потом сделать что-нибудь с собственной головой, чтобы не мучиться остаток жизни ночными кошмарами.

Комплекцией вервольф напоминал мальчишку-подростка, правда очень ширококостного и тяжелого. С отвратительно худыми и жилистыми конечностями, мерзко вывернутыми в суставах. Причем если туловище и ноги шерстью зарос-

ли густо, то плечи, например, были почти голые, лишь местами на них красовались черные клочья. Очень странно выглядела стопа – когтистая и ороговевшая, чем-то она походила на птичью лапу. И кисти рук были... Тошнотворны. Лузгин поймал себя на том, что не смог бы описать их на бумаге.

Морда и вправду бульдожья, плоская, с торчащими наружу клыками, тяжелыми брыльями – гадкая черная морда.

Одни уши были вполне человеческие, разве что сильно в шерсти, зато на подходящих местах, по бокам головы.

– А глаза желтые, – сказал Муромский. – А кровь почти черная...

Лузгин сплюнул.

Вервольф лежал неподвижной тушей, и только бока чудовища едва заметно шевелились. Спеленали его умело – руки за спину, ноги заломлены и примотаны к рукам. Проволокой.

– Кобель. Вишь – яйца? Ох, получил он по ним сегодня... За все хорошее.

Лузгин сплюнул еще раз.

– Надо бы в зубы ему чего-нибудь, – решил Муромский. – Ну-ка...

С неожиданной ловкостью он махнул ногой и всадил каблук оборотню под ребро. Лузгин удивленно покосился на отставного моряка. Удар был хорошо поставленный, и не простой, спецназовский, из тех, какими ломают хребты вражеским овчаркам.

Вервольф тихо охнул, пустил слюни и размазался по полу.

– Я думал: а если он придуривается, – объяснил Муромский. – Ну здоров, чертяка. Точно, на пилораму его! Эй, народ! Там обрезок трубы валялся, суньте ему в зубы, проволоку внутрь пропустите, и на загровке смотайте. А я за машиной пошел. Сейчас устроим... Доставку товаров населению.

Лузгин закурил и прислонился к ограждению стойла. В ухо тепло и влажно дышала сонная корова.

– Узнать бы, кто ты... – пробормотал Лузгин тихонько, глядя на вервольфа и напряжением всех сил заставляя себя поверить: это не сон.

– Хотя бы откуда. И раскрутить цепочку. Я ведь умею. Могу. Выяснить, что с тобой случилось. Мне ведь тебя почти жалко, парень. Я не плохой, не злой. Просто... Какой же ты отвратный!

Подошел и встал рядом Юра Яшин.

– Да, – сказал он, – такого мочкануть не грех. Но знаешь, какая штука, Андрюха? Слушай. Мы когда его месили, были все точно голову потерявши. А он в один момент из сети-то почти вылезши, лапу высвободивши. Ох, хорошо отмахнуться мог! И меня достать, и Сенька по чану точно бы огреб. Муромский ему по суставу ломом, да поздно. И вот я думаю теперь – а чего зверь нас не тронувши, а? И раньше – собаки, овца... Ты ж не знаешь, его на той неделе баба Вера поленом огревши. Думала, мужик пьяный на двор залезши. Сама потом от страху чуть не окочуривши...

– Мелковат он для взрослого, тебе не кажется? – спросил Лузгин.

– Слушай, да пацан, – сказал Юра уверенно. – Лет четырнадцать.

– И все-таки в округе были человеческие жертвы.

– Это не его.

– А кто же тогда?

– Городские, кто...

– Ох, не любите вы городских!

– Слушай, фигня это, – не согласился Юра. – Мы к городским нормально. Нам с ними друг без друга никак. В Зашишевые каждый второй наполовину из города – либо там работавши, либо еще чего. Не в этом дело совсем.

– Ладно, замнем. В любом случае, вот кто все знает. Допросить бы! Если в нем осталось хоть что-то еще человеческое... Но я боюсь, с такой собачьей рожей он не в состоянии говорить. И не факт, что он вообще помнит, как это делается.

– Слушай, ты ему ксиву свою предъяви, – предложил Юра. – Скажи, я корреспондент московской газеты, нарочно сюда приехавши, чтобы взять у вас интервью. А? Слушай, он сразу вспомнит, как разговаривают!

– Любите вы, Яшины, над людьми издеваться, – буркнул Лузгин.

– Слушай, да я от чистого сердца посоветовавши! – тоном оскорбленной невинности сообщил Юра и отошел, сдавлен-

но хихикая.

– Так и сделаю, – пообещал Лузгин ему вслед.

Оборотень вдруг напрягся всем телом, громко хрюкнул, и снова расслабился, затих.

– Фу... – выдохнул Юра, опуская ружье.

Лузгин потер грудь в области сердца.

– Вот же пакость! – сказал он. – Даже сейчас напугать в состоянии.

– Трубу-то ему в зубы точно надо, – вспомнил Юра. – Мало ли...

– Зубы – выбить! И когти вырвать.

– Слушай, Андрюха, пожалей мальчишку.

– Мальчишку?! – взвился Лузгин.

– Чего-то ты сегодня расстроивши, – в точности повторяя недавнюю фразу брата, заметил Юра.

– Мое дело маленькое, – сказал Лузгин твердо. – Суйте ему хоть трубу, хоть лом. Хоть в зубы, хоть в жопу. А я к себе пошел. Хватит с меня на сегодня. Могу ведь и вправду расстроиться!

Он вышел со двора и побрел по едва заметной тропке коротким путем в Зашишевые. На душе было крайне муторно. Связанный и измордованный до потери сознания, вервольф все равно страшил Лузгина. Уже не столько внешне, сколько фактом присутствия здесь, на родной земле. Спокойно осознать ситуацию и жить в ней, как это делали местные, не выходило. Сложившаяся за тридцать лет единая

картина мира оказалась грубо взломана. Лузгин более-менее представлял себе, как дальше придется действовать, но все еще не мог принять, что происходящее ему не снится.

А ведь не снилось.

ГЛАВА 2

Проснулся Лузгин от человеческого крика. Орала где-то посреди села, на много голосов. Слова разобрать было невозможно, но судя по общей интонации – собирались убивать. Лузгин знал, как в Зашишевые кричат перед дракой. Нынешнее орово тянуло на большее, чем тривиальный мордобой по-соседски.

Еще собаки лаяли. Опять. И бабы голосили.

Это начинало действовать на нервы. Он приехал в Зашишевые за тишиной и покоем. И выдерживать ежедневно такую свистопляску в его планы не входило.

Лузгин рывком сел в кровати, схватился за голову, упал обратно.

– О-о-о... У-у... Сволочи. За что?!

И тут он вспомнил события прошедшей ночи – сразу все. Одновременно стало больно, стыдно, противно и... любопытно.

Проклиная себя, оборотня, Витину самогонку, местных оптом, Муромского отдельно, и вообще жизнь, Лузгин кое-как поднялся на ноги, похлебал из ведра холодной водички, быстро оделся, схватил ружье и выбежал на улицу.

Напротив дома Муромского посреди дороги бушевал пыльный смерч, а внутри него активно шевелилась куча-мала человек на десять.

– Пассатижи, блядь! – орали из кучи начальственным голосом. – Пассатижи, блядь, держи! Крепче!

К обочине приткнулся древний, но еще крепкий на вид «Форд-Сьерра». От машины внутрь кучи уходил трос, держащийся и извивающийся, как змея в агонии.

Супруга Муромского, могучего сложения женщина, стояла на крыльце, и в тональности милицейской сирены, без малейшей паузы на вдох, кричала что-то вроде «ой, чего делается, убивают, гады, пидарасы, остановите их, мудаков, кто-нибудь».

– Палец! Палец ему! Перехвати!

– Ой-ё-о!!!

– Андрей! – донеслось с крыльца. – Стрели! В воздух стрели!

Лузгин не стал раздумывать, а просто сделал, что просили – дернул помповуху за цевье и нажал спуск.

Бахнуло так, что заложило уши и заломило виски.

«О, черт! Это после вчерашнего. Ей-ей, пить брошу».

Куча-мала распалась, открыв скрючившегося вервольфа, подобравшего под себя все четыре конечности. На Лузгина уставились бешеные глаза мужиков.

– Ты какого хрена... – начал было Муромский.

– Какого хрена?! А за каким... вы его сюда приволокли? – перебил Лузгин. – Зачем он здесь?

– Тебя спросить забыли!

– Слушай, Андрюха, он Пирата зашиб, – вклинился Юра.

Лузгин огляделся и увидел на обочине кучку шерсти с лапками и хвостиком.

– Пират набежавши, прыгнувши, а он его...

– И кто виноват? Тот, кто собаку с цепи спустил? Или тот, кто среди бела дня опасную тварь по улицам таскает?

– Ишь ты, как завернул! – Муромский растолкал народ, поднялся на крыльцо, грубо оттер жену и скрылся в доме.

Лузгин шмыгнул носом и достал сигареты. Все было ясно. Бугру понадобился небольшой триумф. Он решил на буксире протащить вервольфа по улицам села. И доигрался. Подставил собственного пса.

Лузгин подошел к вервольфу поближе. Разглядел железный ошейник, крепкие цепи... Кандалы оборотень прятал под собой вместе с руками-ногами.

Когти ему рвать собирались, не иначе.

От черной шкуры осталось лишь воспоминание, теперь это был один сплошной колтун серо-желтого цвета. На песке Лузгин заметил несколько крупных темных пятен.

А еще вервольфа била мелкая дрожь.

– Эй! – позвал Лузгин с безопасного расстояния. – Ты живой вообще?

– Слушай, хули ему сделается, – бросил Юра.

– Игрушку нашли? Вы зачем его ловили, а? – Лузгин постарался быть убедительным, сейчас все зависело от того, удастся ли ему запудрить мозги озверевшим крестьянам. – Вы Зашишевы прославить хотели, кажется. Сами героями

заделаться собирались. Денег заработать. Хороши же из вас герои, ничего не скажешь...

– Агитатор, бя! – крикнул Муромский, спускаясь с крыльца. В одной руке у него был тяжелый молоток, в другой здоровенные клещи. – А ну, кончай демагогию! Нашел, за кого заступаться!

– Да как тебе не совестно, живодер ты эдакий! – вступила жена.

– Он нашего Пирата убил!

– Знаю, что убил! Не нарочно ведь!

– А ну пошла в дом, зараза! – прорычал Муромский, резко понизив голос. Это возымело действие – жена с крыльца испарилась мгновенно.

– Значит, когти я ему вырву, – будничным тоном сообщил Муромский, подходя к собравшимся. – Ну-ка...

Вервольф перестал мелко дрожать. Его заколотило.

Муромский собирался еще что-то сказать, но осекся.

Лузгин, чувствуя, что сам тоже сейчас весь затрясется, выставил в сторону Муромского ладонь.

– Видел? – спросил он громким шепотом.

– Зубы до следующего раза оставим, а когти – извините...

Лузгин не мог понять, играет Муромский, или нет. Как любой настоящий лидер, тот обладал качествами почти несовместимыми – умением переть танком до полного упора и способностью мгновенно ориентироваться в меняющихся обстоятельствах.

– Взяти, перевернули, – скомандовал Муромский.

Вервольф застонал и... Расплакался. Больше всего это было похоже на жалобное нытье очень маленького ребенка.

– И такая пое...ень – целый день! – провозгласил некто, проламываясь сквозь придорожные кусты. – Вы чего, мужики, совсем охреневши?

Лузгин с облегчением вздохнул. Сейчас он готов был простить Вите Яшину всё – даже регулярное злостное нарушение правил самогоноварения. Лишь бы тот переломил ситуацию.

Вервольфа ухватили за бока и кувыркнули на спину. Тот не сопротивлялся, только ныл и пытался спрятать лапы. Железной трубы у него в зубах уже не было – проволока, наверное, размоталась, пока оборотня таскали по селу. Лузгин не заметил слез на изодранной в кровь черной морде, но готов был голову прозакладывать – существо действительно плачет.

Еще стало ясно, насколько же оборотень маленький. Самому невысокому из мужчин он едва достал бы до плеча.

– Бугор, а бугор, – позвал Витя с приторным миролюбием, выходя на дорогу. – Чегой-то ты нынче круто взявши.

– Разберемся, – буркнул Муромский, наклоняясь над вервольфом и щелкая клещами.

– Дя-а... – проныл оборотень. – Не-е...

– Чего-о?!

Впервые Лузгин увидел Муромского по-настоящему опе-

шившим.

Впрочем, от услышанного обалдели все.

Кроме Вити.

– Он говорит: дядя, не надо, – перевел Витя очень спокойным тоном.

– Не-е... Дя-а... Не-е... Дя-а... Не-е...

Глаза вервольфа были крепко зажмурены, он выстанывал свое «дя-не» как заклинание, чуть мотая вобранной в плечи головой.

Муромский выпрямился поглядел растерянно на Витю, потом на Лузгина... и вдруг лицо его озарила торжествующая ухмылка.

– Расколот гада! – сообщил он гордо. – Вот как это делается. Желающих с ним побазарить – милости прошу. Закурить дайте мне кто-нибудь.

Протянули сразу несколько пачек. Лузгин показал издали «Парламент», и угадал – Муромский со словами «А ну-ка, угостимся с барского стола», подошел к нему. Старательно пряча бегающие глазки.

Никого он, конечно, специально не раскалывал. Просто хотел в припадке жестокости выдрать оборотню когти. По-человечески Лузгин его, в общем, понимал. Но что-то подсказывало: мучить пойманное существо дальше некоторого предела нельзя.

Не потому что ты сам окажешься хуже зверя – кого волнует философия, когда руки сами тянутся к железу... А вот

довольно. Точка. Одна глава прочитана, начинается совсем другая.

– Ловко сделано, – сказал Лузгин.

– Дык! – кивнул Муромский, наклоняясь к зажигалке.

– Я все думал, это игра или нет. Прямо испугался.

– Пирата жалко... А так – конечно игра. Что же я, и вправду живодер?

Боковым зрением Лузгин поймал насмешливый Витин взгляд. Не удержался и подмигнул.

Вервольф продолжал жалобно ныть. Витя осторожно ткнул его носком сапога в плечо.

– Хватит тебе, – сказал он. – Больше не тронем. Если с нами как с людьми, мы тоже как люди. Эй, пацан! Завязывай.

– Слушай, братка, а вина ему! – предложил Юра. – В пасть. От нервов.

– А есть вино? – мигом встрепенулся Витя, оглядывая собравшихся.

– Не надо! – поспешил встрять Лузгин. – Свернет ему башню, сами пожалеем. Лучше просто отойдите. Он же вас боится. К вон тому столбу трос принайтуйте, а сами хотя бы шагов на двадцать в сторону. Я тут останусь, если вы не против. Я, кажется, единственный, кто его не тронул еще. Может, это подействует?

– Дело говорит, – признал Муромский. – Но к столбу не тросом, я лучше цепь принесу и замок. А сами – ко мне на лавочку. И не близко, и слышно будет, как Андрюха его раз-

говорит.

– На быстрый результат я бы не надеялся, – помотал головой Лузгин. – Ему успокаиваться час. И учиться говорить – неделю. Если это возможно в принципе. И вообще... С чего мы взяли, будто он понимает нашу речь? Может, он считает каким-то образом сами намерения. А «дядя, не надо» – единственное, что у него в мозгах осталось от прежней жизни...

Тут Лузгина озарила неприятная догадка – а озвучил ее сообразительный Муромский.

– Если там вообще что-то имелось, в мозгах этих! – сказал он брезгливо. – Вдруг он был алкаш, бомж, или умственно отсталый... Обидно получится, столько усилий зря. И Пират – зря. А могли расстрелять и не париться.

– Расстрелять никогда не поздно никого, – буркнул Витя. – Цепь свою неси, расстрельщик. А замок у тебя какой?

– Какой надо замок. Ему не по зубам. Сейчас я. Давайте это... чудо пока к столбу.

Успокоился вервольф действительно не скоро. Зато Лузгин, сидя рядом на краю придорожной канавы, успел к нему попривыкнуть. До того, что уже не подташнивало.

Мужики на лавочке заскучали, притащили вместо стола ящик, надергали с огорода закуски и принялись, как это здесь испокон веку называли, «отдыхать». Зашишевые постепенно возвращалось к нормальной жизни, шевелилось, производило затейливые деревенские шумы. Издали, от самых

Крестов, за вервольфом подглядывали ребяташки. Потом им надоело, и они стайкой упорхнули к озеру. Сеня, которому жена объявила принудительный мораторий на пьянку, у себя в огороде поливал из шланга грядки. В прогал между домами видно было, как невдалеке на пригорке дрыхнет пастух и лениво бродят коровы.

Вервольф лежал на боку, крепко прижав к груди скованные передние лапы – назвать их руками Лузгин не мог себя заставить. Глаза оборотень так и не открыл. Зато дышал ровно. И не спал. Лежал, отчаянно трусил, ждал развития событий.

– Теперь все будет хорошо, – сказал Лузгин, прислушиваясь к мерному дыханию вервольфа. – Тебе больше нечего бояться. Я хочу говорить с тобой. Если понимаешь меня, кивни. Не разучился кивать-то?

Голова оборотня немного склонилась.

– Мы правильно догадались – ты просил «Дядя, не надо»? «Да».

– Дядя не будет, я тебе клянусь. А как мы скажем «нет»? Оборотень довольно живо помотал головой.

– У тебя есть имя?

– В-ва!

Лузгин от неожиданности дернулся.

– Чего там? – крикнули с лавочки.

– Нормально всё, погодите! Эй, ну-ка, повтори.

– В-ва.

– А неплохо получается. Расскажи мне что-нибудь.

Оборотень, давясь и булькая, выдал нечленораздельную фразу слов на пять, и очень по-человечески обиженно застоялся.

– Научишься, – пообещал Лузгин, сам себе не веря. – Давай еще немного поиграем в да-нет. Согласен? Отлично. Ты помнишь счет времени? Годы, месяцы?

Оборотень качнул головой из стороны в сторону.

– Ах, вот как... То есть, сколько ты прожил в таком состоянии, не можешь сказать?

«Нет» и жалобный всхлип.

– И все же ты гораздо больше человек, чем зверь. Я сейчас говорю с человеком, верно? И зовут тебя... Вова?

Оборотень приоткрыл глаза. Находиться под его взглядом было неприятно, хотя не так, как вчера. Или Лузгин терпелся, или из вервольфа частично выбили зверскую сущность, а может, и то, и другое сработало.

Только оставалось гаденькое ощущение, что смотрят желтые глазки человеку прямо в душу.

– В-ва, – сказал оборотень и часто закивал. Если Лузгин верно его понял – закивал радостно.

– Точно Вова?

«Да», «да», «да».

– Ну, привет. А я Андрей. Значит, слушай. Я стану говорить медленно, а ты кивай, если понял, и мотай головой, когда не поймешь. Ты пока что будешь жить здесь, в этом селе.

Тебя будут кормить и не будут обижать. От тебя нужно одно: ты больше никого не тронешь. Задавишь хотя бы курицу – простишься с когтями. Ну ладно, не нервничай. Скажи пожалуйста, ты по-разному чувствуешь себя ночью и днем? Когда темно, хочется охотиться, убивать? Ага. Просто есть хочется, да? Ты поэтому не трогал людей? Люди не еда? погоди, я по-другому спрошу. Честное слово, все останется между нами, просто мне очень нужно знать – ты уверен, что никогда не нападал на человека? Та-ак... Здесь – я повторяю: здесь ты не убивал людей? В окрестностях этого села? А у города? Знаешь, что такое город? Знаешь, где он? Ну? А в самом городе? Точно? Ты вообще откуда пришел? Секундочку, а ты писать умел когда-нибудь?..

Оборотень послушно зачеркал когтем по песку, но вышло у него хаотичное переплетение линий, пародия на букву «ж». Он раздраженно вякнул. «Осваивается», – подумал Лузгин.

– Помнишь, сколько тебе было лет, когда это началось? Когда ты стал меняться?

Снова знак «не уверен».

– Примерно хотя бы. погоди! Ты считался взрослым? «Нет».

– Десять? Одиннадцать? Двенадцать? Тринадцать? Четырнадцать?

Оборотень застонал и снова заплакал. Даже немного побился головой о дорогу. Лузгин напряженно размышлял. По-

хоже, существо теряло самообладание, когда начинался счет. При этом оно отличало день от ночи, город от деревни, человека от курицы...

– Сколько пальцев? Эй! Сколько пальцев?

Два кивка.

– А сейчас?

Три.

– Сколько тебе лет?

– Ы-ы-ы-ы... У-у-у!!!

Прибежали с лавочки мужики.

– Ты его довел, – констатировал Муромский. – И меня тут называли живодером?

– Что-то с ним категорически не так, – сказал Лузгин поднимаясь на ноги и отряхивая штаны. – Впрочем, я не был готов к разговору. Надо подумать, составить вопросник... Главное – подумать. И парень намерен сотрудничать. Вова, язви его. Простой русский вервольф. Писать умел. Считать может. А как называю цифры – его клинит. За этим наверняка кроется нечто. Понять бы, что... Слушайте, мужики, сообразите ему пожрать. Кашки, супчику хотя бы. Он давно голодный, к ночи может с собой не совладать и начнет рваться с цепи. Нам это надо?

– Вовчик! – позвал Витя заметно пьяным голосом. – Кушать хочешь? А? Вовка, твою мать! Не слышу ответа. Ну-у, мальчик расплакавши...

– Мальчик, бля! – фыркнул Муромский. – Хорошо, не де-

вочка.

– Почему? – удивился Лузгин.

– Убить будет легче, если что.

– Он не даст повода, – сказал Лузгин убежденно.

– Ответишь? – прищурился Муромский.

– Если он поселится на самом краю села – почему нет?

К моему дому его, там как раз последний столб рядом. Я и присмотрю за парнем, и разговаривать с ним буду.

– Слушай, это он пока на солнышке перегревши, смиренный, – предположил Юра. – Ночью-то, по холодку, как бы чего не натворил.

– Вот я и говорю – пожрать ему надо. А потом, куда он денется с цепи? От столба-то?

– Столб там херовый, – авторитетно заявил Витя. – Сгнивши. Зверю на ползуба. Да я его сам перегрызу.

– Сам поставил, сам и перегрызу, – ввернул Юра.

– Когда было-то? Лет двадцать уже. В общем, столб херовый. А надо знаете чего? Трактором подтащить ту чушку бетонную, которая у дороги валяется. Она как раз с проушиной. И весит килограмм двести. Будет якорь, ха-ха!

– Разумно. Короче, Андрей, кормежку и привязь мы обеспечим, но поведение зверя под твою ответственность, – заключил Муромский. – А то у нас разговор простой будет. Пулю в лоб, и баста.

– Лично застрелю, – сказал Лузгин жестко. Надоело ему спорить и выторговывать условия. – Ясно?

– Застрелил один такой... Видали мы ночью, как ты стреляешь. Из главного калибра! Без промаха! Гы-ы! Ладно, молчу. Сейчас все организуем. Это хорошо, что ты его на себя берешь, а то нам поработать не мешало бы.

– Беру... – вздохнул Лузгин. – Взял на себя и с честью несу. Проследите, чтобы на мой край детишки не шлялись. И всякие домашние животные. Да и сами тоже... Не отсвечивайте.

– Когда он тебя жрать будет, кричи громче, – посоветовал Муромский. – А то ведь не услышим.

– Кажется, он кого-то убил в самом начале. И с тех пор этого не делал. Надеюсь, и дальше не собирается.

– Ты ему веришь? – Муромский снисходительно улыбнулся.

– Я своим ощущениям верю. Это чудо природы было раньше человеком.

И если обращаться с ним правильно, оно захочет снова человеком стать.

Вряд ли у него это получится, но оно хотя бы расскажет нам свою историю. Как сможет, так и расскажет. Если сможет.

– М-да... Он расскажет, а ты запишешь... Бред!

– В чем проблема? – напрягся Лузгин. Муромский опять поворачивался к нему какой-то совершенно новой стороной.

– Ты, конечно, прости, но недаром я говорил: журналисты все е...анутые. Верят во что угодно. И пишут, и пишут... То-

то меня от газет воротит. Сил нет читать. С самой перестройки одно говно. Будто это жулики печатают для идиотов.

– Газеты ему не нравятся... А ты ящик смотри! – огрызнулся Лузгин. – Если читать кишка тонка.

– Мы же договорились: про кишки ни слова! – напомнил Муромский и довольно заржал.

Лузгин секунду-другую поразмыслил, и Муромского красиво уел.

Потому что вместо ответной колкости сказал просто:

– Ну, я пошел. Отдохну немножко. Вы, значит, это... Действуйте.

И вправду пошел досыпать.

– Вот жопа! – бросил Муромский ему вслед почти что с восхищением.

* * *

Строго говоря, приковали оборотня все равно к столбу. Та самая «чушка с проушиной» оказалась здоровым куском железобетона, обломком мачты низковольтной линии, которую еще при социализме хотели пробросить от Зашишевьа дальше, да передумали.

– Не сдвинет? – усомнился заспанный Лузгин. – А-а, да хрен с ним, главное, в дом не залезет с таким якорем на буксире.

– Без шума не залезет, – многозначительно заметил Му-

ромский.

Словно в воду глядел.

Посреди ночи вервольф принялся теребить цепь. Лузгин в окно осветил фонариком, прикрикнул «Вот я тебе щас!», наткнулся на тяжелый желтый взгляд и счел за лучшее спрятаться. Банально струсил. Там, на улице, шуровал отнюдь не испуганный мальчик Вова. Хотя и не жестокая смертоносная тварь. Нечто среднее.

Оно хотело на волю и просило не становиться у него на пути. Всего лишь просило. Не нагоняло ужас на все живое, как прошлой ночью, а просто отодвинуло человека, чтобы не мешал. Во всяком случае, так это понял Лузгин.

«Понял? Не-ет, батенька, ты прямую команду принял и выполнил! Неужели эта зараза телепат? Да запросто. Копается в мозгах, внушает эмоции, подслушивает мысли. Тогда понятно, отчего ему не даются некоторые абстрактные категории. Счет, например. Два пальца, три пальца – это то, что он глазами видит. А считать из чужой головы цифру – фигушки. Хм... Оказывается, мы и в телепатии совершенно не разбираемся. Собственно, чего тут странного – откуда нам?».

Ничто не препятствовало выйти и попросить вервольфа утихомириться, но просьбу наверняка пришлось бы вколачивать, а этого Лузгин себе позволить не мог. Он все еще верил, что статус человека, не причинившего боли, даст ему шанс записаться оборотню в друзья-защитники.

Очень захотелось увидеть Муромского, и желательно, с ломом в руках.

Снаружи перестали бряцать и начали скрести. Потом – скрести со звоном. Зашишевские псы давно устали брехать, предупреждая о наличии в селе «зверя», тишина стояла groboвая, и все было прекрасно слышно.

Лузгин сидел в темноте и прикидывал, насколько положение запуталось. Полдня назад он был уверен, что вервольф неплохо понимает человеческую речь. На этой посылке строился вопросник, который Лузгин вчерне набросал в уме. А теперь... Как общаться с существом, которое слышит тебя через пень-колоду, зато отлично видит, что ты спрашиваешь? А может, и слышит хорошо, но все равно больше видит? Главное – как разобрать, поняли тебя, или нет? И если поняли, то насколько правильно? Что именно кроется за ответами «да» и «нет»?

Скребуще-звонящий шум потянулся от избы куда-то по улице. Лузгин взял ружье, фонарь, вышел на крыльцо и обалдел.

Картинка ему открылась из разряда иллюстраций к книгам в жанре «стебучий хоррор». Под серым-серым небом по серой-серой деревенской улице брел, раскорячившись в напряженном полуприседе, некто черный-лохматый, и пёр на себе бетонный столб. Взвалив один конец столба на плечо, а другой волоча по песку.

Звеня кандалами.

Кряхтя и пыхтя.

– Бля-а... – выразил Лузгин всю гамму охвативших его эмоций.

Вервольф через силу попросил убраться подальше, и человек шатнулся за дверь.

– А вот хрен! – отважно крикнул Лузгин, высовываясь из-за косяка.

– С тобой пойду.

Вервольф попросил не лезть в его дела вторично, но «прозвучало» это довольно вяло. Похоже, оборотню под столбом не сладко приходилось.

Лузгин закурил, повесил ружье на плечо и, не включая фонаря, пристроился вервольфу в отсутствующий хвост.

– А колоритно мы с тобой смотримся, парень! – сообщил он. – Напрашивается аналогия. Хм... Какая страна, такой и Христос. Какая судьба, такой и крест на себе переть. Где пригодился, там тебе и Голгофа. Ага. Надо будет записать, сойдет за мировоззрение.

Вервольф под столбом гнулся все сильнее, но упрямо двигался по улице вперед. Что особенно интриговало – шел он в глубь села, к Крестам.

– Дурак, там килограммов не двести, а все триста. Грыжу наживешь. Пупок развяжется!

Лузгин представил себе развязавшийся пупок с выпадающими из него кишками, да так ярко, что едва удержался от желания схватиться за живот.

Вервольф утробно взвыл, отбросил столб – тот гулко хлопнулся в пыль, – и упал на колени, вцепившись передними лапами в брюхо.

Залаяли сильными голосами собаки.

Лузгин присел на удачно подвернувшуюся водоразборную колонку. Сигарету он выронил, пришлось доставать новую. Курить, в общем-то, хотелось не очень, но чем-то надо было себя заткнуть.

От накатывающих мыслей.

Оборотень немного подышал, встряхнулся по-собачьи, пронзил человека взглядом, полным омерзения, показал клыки, и прохрипел:

– Ф-ф-ф-ф-ф!!! У-у! М-м-м! У-у!

После чего попытался снова подлезть под свою ношу.

– Извини, я не нарочно, – смущенно буркнул Лузгин. – А мудаками старших обзывать нехорошо!

Подумал и добавил:

– Даже если они мудаки.

Хлопнула дверь, скрипнула калитка. В поле зрения возникла тощая сутулая фигура в майке, семейных трусах и галошах на босу ногу. Зато при двустволке. Ружей у отставного егеря было запасено изрядно, он приклады мог хоть каждый день ломать.

– Привет, дядь Сень. А мы вот тут дурака валяем.

Сеня критически оглядел надрывающегося вервольфа и спросил тихонько:

– Это... Только никому не говори. Чуешь, милоч, как он в голову торкает?

– Раньше было, сейчас нет. Наверное, он со мной общаться не хочет. Или устал. Или ты лучше его чувствуешь.

– Я думал – мне блазнится. Не говори нашим. Не поймут.

– Еще бы.

Вервольф почти взвалил столб на плечо, но уронил его.

– Не надоело тебе? – спросил Лузгин. – Знаешь, как это называется?

Вервольф хрюкнул и совершил очередной подход к весу.

Вес опять ему не дался, да еще и на ногу упал. Оборотень сдавленно рыкнул, уселся, вырвал из-под столба отдавленную конечность, прижал ее к груди и принялся баюкать.

– Мудовые рыданья, – сказал Лузгин. – Вот что это.

– С вами, может, сходить...

– Еще не факт, что у него получится. И все равно далеко не уползет.

Вервольф отпустил ногу, встал на четвереньки и снова взялся за столб.

– Хотя интересно было бы посмотреть, в какую сторону он от Крестов попрется.

– Да к кузне, – сказал Сеня просто.

Вервольф оторвался от столба, под который безуспешно пытался загнать когти, и уставился на Сеню.

– Ну-ну! – пригрозил тот, замахиваясь ружьем. – Не балуй.

Вервольф плюхнулся на задницу, вывалил язык, и совсем по-человечьи закрыл лапами глаза.

– Трактором его обратно волоочь, – заметил Сеня. – Умывши он.

– И зачем ему понадобилось в кузницу? – спросил Лузгин мягко и слегка удивленно, надеясь не спугнуть удачу. Сеня мог закрыться, а то и пойти на попятный. Его охотничьи рассказы в Зашишевые далеко не всегда принимали всерьез, и частенько бывшего егеря выставляли на смех. Он любил приписывать зверю человеческие эмоции. Слишком человеческие, даже по здешним широким меркам.

– Вот не скажу, милоч. Точно не скажу. Однако там инструмента всякого... Замок сбить, вывернуть скобу, цепь подпилить. Он же прошлой ночью все в кузне высмотревши. Он не постоянно без сознания лежавши. Витька думал – так, да я-то вижу. Я, милоч, в лесу верных полжизни... Эй, чего глядишь? Отпустить бы тебя, дурака.

Вервольф тихо подвыл.

– Уйдешь отсюда? Знаю, уйдешь. Только ведь ты, глупый, еще где-то набедокуришь. Оставайся лучше с нами. Чем плохо? За кормежкой бегать не надо, люди хорошие, Андрюха про тебя в газете пропишет...

Вервольф занервничал, чуть приподнял шерсть на загривке и покосился на Лузгина.

– Не хочешь? – удивился Сеня. – Зря. Пусть узнают о тебе, глядишь, приедут ученые, придумают чего. Ведь зоологи

искавши тебя в прошлом годе – а?..

В воздухе между Сеней и вервольфом что-то повисло. Лузгин ощутил это почти физически.

– Не понял, – сказал человек оборотню. Буднично сказал, но на самом деле его интонации маскировали очень серьезное напряжение. – Вот не понял я тебя, милоч.

– Расскажи! – не удержался Лузгин.

– Я не понял, – Сеня удрученно помотал головой.

– А что ты видел? Он тебе картинку показал?

– Дай закурить.

– Ты же не... На, бери.

– Я, милоч, до сорока лет смоливши, – сказал Сеня, прикуривая и несмело затягиваясь. – Кхе! А потом в завязку. Кхе! Яшкины, Витька с Юркой, на спор бросали, на ящик водки, и от жадности теперь не курят. А я просто бабе своей наказавши – увидишь с папироской, бей смертным боем... Ха! Кхе. А она ж у меня дама крепкая. И научила как не курить. Коромысло до сих пор за сараем валяется, треснувши.

– Странные московские зоологи, – вывел собеседника на тему Лузгин. – Медленные, будто примороженные. Днями больше спали, а ночью шастали по лесу. К тебе не обращались...

– Это Яшкины наплели? Ой, навравши-то. Приходили ко мне эти двое. Как не прийти. Лучше меня никто тут леса не знает. И, понимаешь, милоч... Вот не показались они мне. А я, если человек не понравивши... Бояться начинаю, что

не уберегу его, случись беда. У нас вроде и не тайга какая, а всякое может быть. Ну, я и того. К Муромскому их пославши.

– ...и он тоже не пришел в восторг.

– Кхе! – Сеня бросил под ноги окурок и аккуратно затоптал. – Ну, да. Он их когда за Горелый Бор завезши, потом и говорит – убрались нелюди. Только он, понимаешь, милоч, решил, что ребята... – тут Сеня ощутимо понизил голос, – ...из КГБ. А я думаю – не-а. Хуже дело.

Лузгин оглянулся на вервольфа. Тот сидел, поедая желтыми глазами столб, и по-прежнему топорщил шерсть.

– Ты, милоч, никому не говори, – в очередной раз попросил Сеня. – Особенно нашим.

– Как тебе поклясться? Типа крест на пузе желтым фломастером? Предположим, я обещаю всячески охранять твое право на конфиденциальность в рамках Закона о Печати. То есть, допустим, если ты мне сообщишь нечто важное, до того важное, что я как честный журналист буду просто обязан это рассказать людям – никаких ссылок на тебя. Нормально?

Сеня задумчиво притих, осознавая услышанное.

– Ты же собираешься выдать такое, во что все равно никто не поверит, – напроорочил Лузгин. – Никто вообще. Зашишевским я не разболтаю, зуб даю.

Сеня посмотрел на вервольфа, тот фыркнул и отвернулся.

– Ну и контакт у вас, – позавидовал Лузгин.

– А думаешь, милоч, мне с этого много радости? Если б я

хотя понимал, как оно получается... Короче, они его нашодце тогда в лесу. И вроде бы погибши оба.

– Загрыз?

– Конечно. Хотя перепугавши был сильно, толком не помнит ничего. И не люди они. Люди так не могут.

– Как – так?

– А не знаю, милоч. Он же не говорит. И картинок никаких я не вижу, ошибши ты. Я... Отношение его чую.

Вервольф снова фыркнул, встал, и с новыми силами примерился к столбу.

– Вот дурак упорный... – вздохнул Лузгин. – И что с ним делать?

– А пускай тута живет. На пилораме сгодится. Мы ж все старичье, нам трудно уже. Доски-то плевое дело, с бревнами плохо. Тот же Муромский до чего бугай, а в прошлом месяце как за сердце схвативши...

– Я думаю – сейчас что?

– А проводим, чтобы не скучал. Все одно до кузни не допрет.

– Шел бы ты спать, дядь Сень. Тебе на работу с утра.

– А мне уж скоро доить, я бабе-то не позволяю, у нее рука не та. Всем хороша баба, а вот доить – ну не та рука.

Вервольф поднатужился, громко пукнул и, звякая цепями, поволок столб к Крестам. Лузгин последовал за ним, Сенья попросил еще сигарету и пристроился рядом. «Значит, когда он говорил, что убивал человека в самом начале – вот

что имелось в виду, – думал Лузгин о вервольфе. – Те „зоологи“ для него не люди. Итак, какая складывается картина? Отчасти прав Муромский, бредовая. Но попробуем во все поверить. Выключить критику, оставить голую логику. Значит: в городе и окрестностях творится дурное. Кто-то нападает на людей, они исчезают без вести, по дорогам ночью лазают странные персонажи. Население запугано, милиция ведет себя неадекватно: будто знает о проблеме, но не может ее решить и старается удержать контроль над городом доступными средствами – зажимая информацию и давя народ. А оборотень ко всему этому бардаку не причастен, на его совести одни домашние животные. Максимум, чего он мог натворить – лишнего шороху навести. За самим оборотнем охотятся нелюди в человеческом облике. Двоих он загрыз...».

Стало как-то холодно внутри. К Лузгину пришел очередной страх, новый, не похожий на тот, который он испытывал перед вервольфом. «Подумаешь, оборотень! Вещь понятная. Вон ползет себе, пыхтит. Вы говорите – проблема верволка в средней полосе? Дюжина мужиков из Зашишевья решит эту проблему за одну ночь! Поймаем зверя с выездом к заказчику. И п...ды ему дадим капитально. Хоть зверю, хоть заказчику. Быстро, качественно, недорого. Оптовикам значительные скидки. Возможен бартер на алкоголь. Звоните нам по телефону...».

С Крестов оборотень свернул направо, в сторону кузницы.

– Ага! – напомнил Сеня.

– Вижу... Слушай, как рано светает. Петухи скоро закричат.

– А дни-то сейчас длинные самые. Гляди, ловко тащит! Приноровивши.

Оборотень и вправду как-то приспособился к своей ноше. Его заметно водило из стороны в сторону, однако скорее от усталости, чем от неудобства. Он был не только крепок, но еще и ловок.

– М-да... Я не понимаю, на что он рассчитывает? Ну, через полчаса-час доберется до кузницы, попробует освободиться. Уже народу вокруг будет немерено. Снова отмудохают и на место вернут. С шутками и прибаутками.

– А он чувствует, бедняга, что без когтей останется. Вот и хочет уйти. По любому. Не может иначе. Его отсюда естественный инстинкт сохранения гонит.

– Э-э... – Лузгин в очередной раз опешил.

– Дурной, – сочувственно вздохнул Сеня. – Не понимает, что лучше тут без когтей, чем потом без головы. Верно, Андрюха? Не смотри, милоч, я не знаю, чего он так думает.

– Ты ему втолковать не можешь, что с головой действительно лучше?

– А ему виднее, пожалуй, – возразил Сеня. – Он хоть наполовину, все равно зверь – раз чего учуявши, не свернет. Особенно ночью, когда у него естественные инстинкты в полной силе.

– Наполовину зверь... Понять бы, насколько он может

своей волчьей натуре сопротивляться. Точно ведь допрыгается. И зачем тогда было это все? Чего мы, спрашивается, его ловили...

– А ты думаешь, милок, он очень хотел на совхозный двор идти? – загадал очередную загадку Сеня. И, не дожидаясь следующего изумленного «э-э», объяснил: – Ему тогда жрать была охота до полной одури. Я еще смотрел и думал – сейчас уйдет, ведь почуявши нас, да разглядевши. И тут он в сеть ка-ак прыгнувши...

– Хреново это, – заключил Лузгин. – Ну, будем кормить до отвала, а мало ли, какие у него еще... Енстинкты откроются. Например, охотничьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.